

КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ

©
Золотая
Жизнь

СТИХИ И ПОЭМЫ

Перевод
с киргизского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН» — 1973

Маликов К.

М 19 Золотая нить. Стихи и поэмы. Ф., «Кыргызстан»,
1973.

... с.

... см. ... экз. ... к.

В сборник вошли лучшие стихи известного киргизского поэта и одно из крупнейших его произведений — поэма «Золотая нить». В центре поэмы судьба женщины-киргизки, прошедшей сквозь суровые испытания жизни и благодаря упорству и огромному трудолюбию ставшей знатной производственницей.

Киргиз.

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ДНЕВНИК**

НА ПУТИ В ЛЕНИНГРАД

С тех пор не раз снега сходили с гор,
Не раз ручьи весенние гремели,
Но помнит сердце,
Помнит до сих пор
Те памятные грозные недели.

Мы были больше месяца в пути —
Везли продукты в осажденный город.
Его в те дни держал за горло голод...
О память сердца,
Ярче мне свети!..

В ночное небо, крылья распластав,
Врезались с ревом вражьи эскадрильи.
Чтоб с воздуха не виден был состав,
Мы окна одеялами закрыли.

Усталый надрывался паровоз —
Угля ему, бедняге, не хватало,
Но старый вез,
Хоть через силу — вез,
Вез под дождем горячего металла!

Потом взамен угля пошли дрова.
Лимит, паек. И людям, и машинам.
Наш паровоз дышал едва-едва,
И все же из последних сил спешил он.

Мы ехали под пулями врага,
Налеты повторялись то и дело...
И вот открылись чистые снега —
То Ладога в глаза мои глядела."

Машины шли. Им не было конца.
И были все белы. И все спешили.
Хлеб и свинец везли они борцам,
Которые
 в блокаде —
 жили!

Мы двигались в колонне. И мела
Весь день метель над Ладогой ретиво.
Ледовая дорога нас вела
Туда, откуда доносились взрывы.

Солдаты в белом охраняли нас.
И на земле, и в небе — враг был рядом.
Обстрелы повторялись каждый час
В те памятные дни под Ленинградом.

Нас в этот город
Дружба привела.
Снаряды нам дойти не помешали.
Мы ленинградским воздухом дышали!
Дорога через Ладогу была
Бела!

В ЛЕНИНГРАДЕ. ЗАВОД

Фашисты лезли в город. Напролом.
Его кольцом железным окружили.
Но люди и работали, и жили,
Хоть смерть стояла за любым углом.

Да, каждый день
Героев уносил.
Но люди под обстрелом не дрожали,
И то, что ежедневно совершали,
Казалось выше человеческих сил.

На город сыпалось железо градом,
Не сбивало вахты трудовой —
Снаряды делались под гром снарядов,
Точились бомбы под фугасок вой.
И званья ленинградца был достоин
Любой рабочий и любой солдат.

... Гостей радушно принял город-воин.
Гостей, как братьев, обнял Ленинград...

Мы видели завод. Ревели танки.
Оружие ковалось день и ночь.
С конвейера — в жестокие атаки.
Враг не выдерживал, катился прочь.

Рождался в Ленинграде свой металл!
Пришельцев мы металлом одолели.
Враг погулять по городу мечтал,
Но силой был поставлен на колени.

В СМОЛЬНОМ

Был бесконечен
В Смольном коридор.
И мы в его пространстве пропадали.
И пропадал куда-то наш задор...
Но знали мы:
Нас тут сегодня ждали.

Нас принял Жданов.
О Андрей-аке!
Его и раньше видеть приходилось...
Как рассказать в коротенькой строке
О силе, что в глазах его светилась?

Пожал он руку каждому из нас,
Был добродушен и приветлив с нами,
Струилась теплота из ясных глаз —
Он был таким, каким его мы знали.

И вместе с тем он был уже другим —
Похож на боевого генерала.
Он говорил:
— Мы город не сдадим!
Фашисты не увидят Ленинграда!

Казалось, только что с передовой —
В обыкновенной форме полевой,
Казалось, он недавно из окопов,
И это ему явно не впервой...

Потом заговорил об Ала-Тоо,
Как будто бы овец он с нами пас,

И западало дорогое слово
В сердца и души каждого из нас.

— Мы, защищая наш любимый город,
Отстаиваем здесь и ваши горы.
Мы Ленинград врагу не отдадим!
Народ бессмертен и непобедим!

Энергия в нем бурно клёкотала.
И я подумал:
«Видно, здесь любой
Гранита тверже и прочней металла
И каждый час готов на смертный бой».

Казалось, что держу большой экзамен —
Старался я запомнить каждый миг.
Я слушал Жданова.
Перед глазами
Величественный образ вдруг возник.

Я думал:
«Коммунисты — цепи гор —
И монолитны, и несокрушимы.
Вот подползли к горам и бьют в упор
Железные фашистские машины.
Но горы им не сдвинуть.
Красный флаг
Горит бессмертно, как победы знак».

Я эту встречу навсегда запомнил,
Я сердце этой встречею наполнил.
С тех пор,
В каком бы ни был я краю,
Мне кажется:
Со Ждановым стою.

Я видел Жданова в лихую пору,
Когда давали мы врагу отпор.
Своим трудом тогда он сдвинул гору,
Мы это видели, посланцы гор.

И я с тех пор со Ждановым стою
И чувствую себя всегда в строю.

В ТЕАТРЕ

Один из вечеров мы провели
В театре. Да, представить трудно это.
Но ленинградцы на спектакль пришли.
Откуда в этих людях столько света?!

Я б мог подумать: «Кончилась война», —
Когда б вдали сирена не взывала —
По кругу, как в былые времена,
В большом фойе гуляли театралы.

Их речи не были отрешены —
О завтрашних заботах говорили.
Их лица были серы и бледны —
И все ж они театр озарили!

И стало вдруг светлее и теплей
В давно уже не топленном театре...

(Да, театралы тех жестоких дней
Запечатлелись в памяти, как в кадре).

Поднялся занавес.
О сила слов!
Перед тобой склоняюсь молчаливо.
Был монолог и сдержан, и суров.
Поддался зал поэзии порыва.

И вскоре холоду пришлось бежать,
И начало пространство нагреваться...
И было трудно слезы удержать,
Когда взорвался зал грозой оваций!

А голос жил, царил и ликовал,
В груди актера, видно, солнце было.
Он это солнце щедро раздавал,
И каждому тогда его хватило.

И мы забыли, что вокруг мороз,
Глухая ночь, блокада, артобстрелы...
Нам видеть вдохновенье довелось!
И сердце каждого
Его огнем горело.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С тех пор не раз снега сходили с гор,
Не раз ручьи весенние гремели,
Но помнит сердце,
Помнит до сих пор
Те памятные грозные недели.

С тех пор прошло уже немало лет.
Следов войны нигде давно уж нет.
Сияет город красотою вечной,
Но в сердце навсегда остался след.

ОТЧИЗНА РОДНАЯ— СОЮЗ ССР

Пятнадцать морей
В океане слились,
Пятнадцать вершин
К облакам вознеслись,
Пятнадцать сияющих солнц негасимых
Огромным,
Пылающим солнцем зажглись.

Ильич это яркое солнце зажег,
Никто погасить это солнце не смог.
Полвека восходит оно,
Озаряя
И Север,
И Запад,
И Юг,
И Восток.

Несет оно свет человеку труда,
Вздыхает в горах и в степях города,
И землю поит,
И вращает турбины,
И в дальние дали
Стремит поезда.

Он всюду —
Немеркнущий ленинский свет:
И в лунном разбеге могучих ракет,

И в сердце гигантского атомохода,
В арктических льдах проторившего след.

Един и велик
Наш советский народ,
Он к цели высокой
Победно идет.
Нам дружба опорой служит в дороге,
И к славным свершениям нас дружба зовет.

С тех пор,
Как вращается шар наш земной,
Ни разу не видел он дружбы такой,
Не видел державы,
Где все до едины
Встают и на труд,
И на праведный бой.

Где каждый живущий,
Будь стар он иль мал,
К Отчизне любовь
С первым вздохом впитал,
Где все мы трудом дерзновенным, упорным
Куем нашей дружбы
Сверхпрочный металл.

Стремителен бурного времени бег.
Но с дней тех далеких,
Когда человек
Впервые вскопал свое поле родное,
Он братства такого
Не видел вовек,
Чтоб все друг за друга ----

Стальной стеной,
Чтоб в радость, и в горе —
Одною семьей,
Чтоб, если не ведает брат твой покоя,
Тебе был бы тоже
Неведом покой.

Мы дружбою,
Братством,
Единством крепки,
Бессильны пред нашим единством враги.

И люди,
Что к правде и счастью стремятся,
По нашей стране
Выверяют шаги.

Да будет бессмертен народ-пионер,
Являющий миру свободы пример!
Да будет безоблачным
День твой грядущий,
Отчизна родная — Союз ССР!

РОДИНА

С тех пор,
Как я перо держу в руке,
С тех пор,
Как со стихом иду по жизни,
В любой строфе,
В любой моей строке
Живет любовь сыновняя к Отчизне.

Без Родины не мыслю я себя,
Ее огонь мне негасимо светит.
Земля моя!
Коль не было б тебя,
И мне б тогда не жить на белом свете.

Отечество!
Нет имени родней.
Вошло навек ты в сердце мне и в разум.
И всем,
Что есть хорошего во мне,
Тебе одной я, Родина, обязан.

Гляжу на мир глазами рек твоих,
Моя душа твоей душой согрета.
Лишь о тебе подумаю —
И вмиг
Живые крылья обретает стих,
И песня солнцем всходит над планетой.

С РОССИЕЙ

Как же я счастлив,
Мой народ родной,
Тыщи лет плутавший тропкой узкой,
В дни невзгод и бурь
С народом русским
Побратавшись жизнью и судьбой!

В час,
Когда над ширью наших нив
Собирались тучи в небе синем,
Край киргизский грудью заслонив,
Поднималась на врага Россия.

И когда Октябрьская гроза
Зашумела ветром над планетой,
Сын России —
Ленин—указал
Нам дорогу к разуму и свету.

Наша дружба,
Как гранит, крепка,
И любовь в сердцах неугасима.
Мы неотделимы от России,
Мы с Россией
Вместе на века.

ГОРЫ

Нет, меня не обидят упреки
В том, что сердца негаснувший пыл
И стихов своих лучшие строки
Я горам навсегда посвятил;

Что привязанность к отчему краю
Вдохновенью остыть не велит,
В том, что всею душой презираю
Тех, кто в дальних краях забывает
Цвет и запах киргизской земли.

Горы всюду со мною, как детство,
Как кочевья далекого дым.
Сколько лет пролетело, но сердце
Не утратило верности им.

Горы! Вы мне синее небо
И ручьи, что вскипают, звеня.

Я без вас, как голодный без хлеба,
Как джигит без лихого коня.

Я ваш сын,
Ваш посланник и вестник,
И гонец вашей щедрой весны.
Первый вздох мой
И первая песня
Вашим эхом на свет рождены.

В день рожденья вы дали мне имя
И направили первый мой шаг.
Здесь отец мой руками своими
Рыл у юрты для сына очаг.

Я душой прикипел к вашим рекам,
К вашим кручам,
К ветрам снеговым.
Мне вовек бы не стать человеком,
Если б не был я вами храним.

И не встретить бы в жизни опоры
Мне от Родины милой вдали.
И куда крепки мои горы,
Не уйду я бесследно с земли.

ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ

Звонкой песней славил я не раз
Солнечную землю Киргизстана.
И куда грянет смертный час,
Воспевать ее не перестану.

Тогда, и вы поверьте слову,
Прекрасно летнее джайлоо!

Когда шарахнулась отара,
Когда в испуге стригунки,
Когда коровам худо стало —
Сверкнули жадные клыки!—
И в этот миг, поверьте снова,
Прекрасно щедрое джайлоо!

В горах седой буран бушует,
В предгорьях — небо голубое.
Мальчишки радостно гарцуют,
Зовут в раздолье, за собою.
Я рвусь повиноваться зову —
Я тоже вырос на джайлоо!

В горах наш дом. К горам душою
Навек прирос любой киргиз.
У нас табунщик и зимою
Заквасит золотой кумыс.
Не пробовали вы такого —
В нем запахи цветов джайлоо!

Когда метели завывают,
В горах работа нелегка,
Но люди здесь не унывают —
Горит румянец на щеках.
Табунщики всегда здоровы,
Как все, кто вырос на джайлоо.

Упорны снежные атаки.
Но им, лихим, наперекор

Киргизы берегут отары
И не покинут грозных гор.
Пускай погода здесь сурова —
Никто не убежит с джайлоо.

БОЛЬШОЙ НАРЫН

Вы прекрасны, горы мои,
Снег вершин — белей молока.
Вы ласкаете взоры мои,
Пробиваясь сквозь облака.

Несравненна моя река —
Рвутся брызги под облака.
Нет соперницы ей в теснинах,
Нет, я знаю, наверняка.

И не зря решила Москва:
Быть Нарыну рекой плотин.
Лучезарны эти слова.
Встретимулся Большой Нарын.

Здесь кумысом воздух пропах,
Здесь киргизы живут в горах.
Здесь идет великая стройка
На скалистых крутых берегах.

Хоть коварен ты и упрям,
Мы, Нарын, тебя укротим.
Быть отныне в горах морям!
Быть Нарыну рекой плотин!

Но не только киргизам одним
Будешь службу служить, Нарын.
Засияют твои огни
У друзей из других долин.

Я о них тебе расскажу,
Ведь недаром с пером дружу.
Я поведаю о друзьях,
Что в соседних живут краях.
Крышей мира Памир зовут.

Там в зеленой горной стране,
Там в заоблачной вышине
Испокон таджики живут.
Еще тысячу лет назад
Они знали премудрость книг.
Создавали стихов цветник —
Несравненный розовый сад.
Их поэмам забвенья нет,
Слава их облетела свет.
Филигранных стихов узор
Восхищает нас до сих пор.

Искони мы дружбу вели,
Не таили друг к другу зла.
Это ведь из таджикской земли
Каныкей к Манасу пришла.
Знает силу воды таджик —
Разбивает сады таджик.
Напой же, река моя,
Дорогие сердцу края.

Принимай притоки, Нарын,
По дороге силу вбирай.
Полноводный, глубокий Нарын,
Входишь ты в засушливый край.
Здесь нужна живая вода,
Видишь, горы хлопка стоят.
Не жалеют люди труда,
Землю жаждущую поят.
Издавна, уж который век,
Земледелием славен узбек.
Может он и с рекою сладить,
Изменить ее грозный бег.
Мой Нарын, к узбекам спеши,
Землю их напои от души
Да послушай песни узбеков —
До чего они хороши!
А плоды их тучных садов!..
Нет на свете слаще плодов!..

Есть еще и соседи у нас.
И для них, Нарын, не скупись.
У тебя ведь велик запас
Чистой влаги, дающей жизнь.
Принеси им-воду и свет —
Ороси их сухую степь.
Это братья мои, и нет
Для меня желанней гостей.
Их отцы и наши отцы
На одном взросли молоке.
Их отцы и наши отцы
На одной селились реке.
У казахов такой же кумыс
И такой же белый айран.
Издавна казах и киргиз

Пировали в степях и в горах.
А теперь казахи, смотри,
Стали хлеб выдавать на-горá,
Настоящие богатыри,
Настоящие мастера.
Помоги им, Нарын, в трудах,
И похвалит тебя казах.
Каждый воду твою оценит —
Ты начало берешь во льдах.

Всем друзьям окажи почет,
Всем друзьям передай привет.
Скажут пусть: «Вот Нарын течет,
Щедро нам дарующий свет».
Напои все земли окрест,
Позаботься об их судьбе,
Все народы из наших мест
Будут песни петь о тебе.

Я стою и смотрю, как ты
С хрустом крошишь синие льды.
И зимой тебя не сковать —
Каждый миг готов воевать.

Гулкий рокот стоит в горах,
Тонут скалы в твоих парах,
И летит водяная лавина,
Наводя на округу страх.
Мы поймаем тебя, Нарын,
Обуздаем тебя, Нарын,
Грозной силой крутить турбины
Мы заставим тебя, Нарын.

Девяносто гор обогни;
Встань во весь богатырский рост,
И зажги над нами огни —
Девять тысяч утренних звезд!

В КУЛУНДУ

Снова солнце встает над землей Кулунду,
Над садами,
Над полем несжатым.
И опять я навстречу рассвету иду
По высокой траве непримятой.

Я иду, на росе оставляя следы,
Я к цветам прикасаюсь щекою.
А ведь только вчера
Эта степь без воды
Умирала от жажды и зноя.

Здесь, где можно рукою достать до реки,
Не водилось ни дичи, ни птицы,
Лишь бродили по черным камням ишаки
Да гнездились в песках черепахи.

Мне навстречу — старик — коренаст, невысок,
Гор заоблачных истинный житель...
— Кто ошибся из нас: Я, а может быть, бог?
Не сочтите за труд, раесудите...

И поведал он мне,
Как, приехав сюда,
Не узнал глухомани бурьянной,
Как нажал на рычаг,

И речная вода
Побежала струею из крана.

Он стоял, как внезапно прозревший слепец,
Думал, может, все это приснилось?
Или, может, аллах проявил, наконец,
К этой скудной земле свою милость?

И ходил целый день в окруженье внучат,
Наслаждаясь осенней прохладой,
И дивился садам,
И созревшим бахчам,
И высокому, в рост, винограду.

И ему не хотелось уже вспоминать,
Что в тот год на душе его было,
Когда сын заявил,
Что решил уезжать
В Кулунду из родного аила.

— Не спеши,— говорил он,— опомнись, сынок!
(Слово каждое помнит поныне)
Пропадешь ни за грош,— говорил,— видит бог,
В этой проклятой богом пустыне!

Говорил: неужели ты сам себе враг,
Что, как заяц, бежишь из аила?
Иль тебе опостылел родимый очаг?
Иль не дороги предков могилы?

Что забыл ты в безводном степном Кулунду?
Чем не мил тебе гор наших ветер?
Ведь с собою туда не возьмешь ту звезду,
Что над юртой отцовскою светит.

Думал: так и не сможет он сына простить,
Хоть была невеселой разлука.
А сейчас вот приехал к нему погостить,
Поглядеть на сноху и на внуков.

Он теперь понимает, кто прав, кто неправ,
Все здесь радостно сердцу и глазу.
Ведь, признаться, такого обилия трав
И в горах он не видел ни разу.

Мы б стояли с ним долго в дремотной тиши,
Но ватагою дружной за дедом
Прибежали внучата его — малыши,
На полслове прервали беседу.

Самовар возле дома кипел во дворе,
И молодка-хозяйка радушно
Уступила нам место на мягком ковре,
Пододвинула ближе подушки.

Пили чай, и счастливый старик без конца
Любовался украдкою сыном:
И характером, дескать, удался в отца,
И взглянуть — сразу видно: мужчина!

Сын курил.
Огоньком у него по лицу
То и дело улыбка блуждала.
Он подкладывал теплых лепешек отцу
И шутил, как ни в чем не бывало.

И старик, знавший меру людскому труду,
Улыбнулся:—А знаете, дети:

Крепко верю,
Что станет теперь Кулунду
Самой лучшей землею на свете!

КАЙРАК-КУМ

Как ребенок, увидевший чудо,
Хоть давно седина на висках,
Я шепчу удивленно: откуда
Взяться озеру в этих песках?

Я гадаю, чья добрая сила
Край, что был и суров, и угрюм,
К светлой жизни из тьмы возродила,
Напоила седой Кайрак-Кум?

Разве думал мой предок былинный,
Что придет это время, когда
С Ак-Буры
И с Большого Нарына
Устремится в пустыню вода,

Что над сушью барханною ржавой,
Одолев суховей и жару,
Закачаются тучные травы
На веселом, пьянящем ветру?

Сколько силы в простом человеке,
Устремленном в орлиный полет!..
Обуздает он бурные реки,
Гор твердыни с дороги свернет.

И железо расплавит, и камень,
Остановит грозу и бурю,
Солнце с неба достанет руками,
И к луне вознесет океан.

Я восславлю еще эти руки,
Что упорством своим навека
Засадили пустыню урюком,
Проложили каналы в песках.

И покуда живу, не забуду,
Как на месте пустыни седой
Я увидел великое чудо —
Кайрак-Кум, напоенный водой.

ПЕРВАЯ ШКОЛА

Я помню, здесь унылая лачуга
Торчала, как бельмо, давным-давно.
Но место ей, как для большого друга,
В моей душе навек отведено.

Она понравилась бы вам едва ли,
Но ту хибару школой называли.
Я здесь переступил ее порог.
Чтобы услышать первый свой урок.

На земляном полу была солома,
И были животы порой пусты,
Но здесь над нами воспаряло слово —
Мы слушали его, разинув рты.

Сидели в валенках и в старых шубах,
Читали нараспев за слогом слог.

В озябших пальцах, трудовых и грубых,
Учитель наш едва держал мелок.

Но на доске вдруг возникало диво!
Ни с чем мы не смогли б его сравнить.
Для нас тогда писал он так красиво —
Как бусинки нанизывал на нить!

Считали мы тогда себя борцами
За новый путь, за новый светлый мир.
Мальчишечьими страстными сердцами
Владел родной учитель, наш кумир.

Смешные деревянные винтовки —
Куда б ни шли — носили мы с собой.
Не истощались юные восторги —
Готовы были мы в последний бой...

Ушли незабываемые годы,
И домика того давно уж нет.
Но не пропали дорогие всходы —
В сердцах оставили горячий след.

А нынче горько иногда бывает:
Смотрю на сытых нынешних парней,
Которых лень порой одолевает,
И думаю о вьюгах юных дней...

Когда, согнувшись над стихотвореньем,
Я поглощен внезапным озареньем —
И ветер наполняет паруса! —
Я вспоминаю светлые мгновенья:
Душою постигаю откровенья —
Учитель открывает нам глаза!

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

ПОЭМА

Прячется саженец робко от ветра
Там — за высокой чинарой вдали.
Тёплым дыханьем её обогретый,
К свету он вышел из вешней земли.

Был он вначале невзрачным и хилым,
Блёклым, как в позднюю осень трава,
Но, что ни день, набирался он силы,
Густо его разрасталась листва.

Вскинутся ввысь его ветки с отвагой,
Ствол, возмужав, удивит высотой!
...Я, наклонившись с пером над бумагой,
Саженец вижу всегда пред собой.

I

В тихом аиле, средь Чуйской долины,
В том, что стоит от шоссе в стороне,
Всё это было...

Тревожит и ныне
То, что поведать вам хочется мне.

...Грустно прощаясь с семьей, с тополями,
С белыми шапками горных высот,
В красных вагонах ночами и днями
Всё отбывали солдаты на фронт.

Не умолкали о доме рассказы...
Но, молчаливый и строгий на вид,
— Был меж солдат и Досой большеглазый —
В Чуйской долине известный джигит.

Вам о Досое охотно расскажут
Люди айла — всем был он знаком:
Что справедлив, обходителен с каждым,
Знающий дело своё агроном.

...Запад в огне. Облака небосвода
Воем и грохотом оглушены.
К воинам Родина — гласом народа —
Громко взывает: «На помощь, сыны!»

Как-то Досой после дня трудового,
Кепку надвинув, пришел под хмельком.
— Эй, байбиче*, всё ль к обеду готово? —
Крикнул, входя он с улыбкою в дом.

А «байбиче» — Алтынджан молодая, —
Свет его жизни, тревогу тая,
Весть о войне чуть достигла их края,
В доме бродила сама не своя.

Мир её светлый тревогой нарушен:
Ночью, бывало, очнувшись от сна,
Горько взглянувши на спящего мужа,
Снова в слезах засыпала она.

Или глядела в окно на дорогу,
Думая думу свою без конца.

* Байбиче — старшая жена.

Хоть и скрывала от мужа тревогу,
Скорбь ни на миг не сходила с лица.

Нежен он был с погрустневшей женою,
Хоть Алтынджан настороженный взор
Жег своей горечью сердце Досоя,
Он заводил с ней такой разговор:

— Быть мне в строю до последнего часа,
Да, призовет меня вскоре война!
Ты как жена офицера запаса
Стойкою быть, дорогая, должна.

Все, как один, мы сегодня на страже!
...Но, чтоб рассказ не казался мой сух,
Знать вы должны — я нежнее и краше,
Чем Алтынджан, не встречал молодых.

Смуглый румянец, мила, черноглаза,
В легкой походке — и гордость, и стать.
Хоть и неброска, но глянешь, и сразу
Глаз ты не сможешь уже оторвать.

К ней обратишься, и греющим светом
Тут же ответит улыбчивый взор.
Но продолжать не захочет беседы,
Коль с ней пустой заведешь разговор.

Мягкий характер — во всем терпеливый,
Ум пронизательный с детства ей дан.
Все говорили, что будет счастливым
Тот, кто женой назовет Алтынджан.

.

Только рассвет в бликах солнечных пятен
Мирно успел к ним в окно заглянуть,
Стала жена, после нежных объятий,
Молча готовить любимого в путь.

Тихим движеньем, с глазами сухими,
Мясо, чучук* положила в мешок,
Много еды, чтоб с друзьями своими
Муж поделиться в дороге бы смог.

Завтрак готов. И движеньем торопким,
Как только села за стол и жена,
Тут же наполнил он доверху стопки,
Водки себе, а любимой — вина.

Пряча свой взор, замутненный слезою,
Тут Алтынджан вдруг, была не была,
Вылив вино, к удивленью Досоя
Тоже вдруг водки себе налила.

Чокнулась громко с Досоем и разом
Выпила полную стопку до дна,
Не покраснев, не моргнув даже глазом,
Словно бы к водке привычна она.

Лишь поглядела с усмешкою трезвой:
— Горькая! Я обожгла себе рот.
Вы-то, мужчины, поди, из железа,
Как это зелье вам в глотку идет?!

Хоть Алтынджан и скрывала от мужа,
Как тяжело, как безрадостно ей,

* Чучук — колбаса из жеребятины.

Все же тоска прорвалась наружу:
Стали у глаз ее тени черней.

— Ты же была всегда стойкой и сильной,
Верю я, ты примиришься, поймешь.
В путь мне пора... О родившемся сыне
Весть ты на фронт мне, родная, пришлешь.

Густо дымя, паровоз неустанно
Звал всех бойцов, как горнист боевой.
Двинулись, вздрогнув, вагоны состава,
И Алтынджан закричала:— До-сой!..

Стоя на верхней ступеньке вагона,
Долго махал ей Досой...

И опять

Видел, как мчится жена вдоль перрона,
Словно пытается поезд догнать.

Дальше куда ж ей? —

Изгиб поворота.

Горько заплакала...

Издалека

Поезд, дымя в синеву небосвода,
Грустно прощался с ней зовом гудка.

II

Сбившись в сугробы, студёные тучи
Вместе со степью, что в снежной пыли,
Будто бы слились и силой могучей
Зиму в продрогший аил привели.

Словно от стужи прижавшись друг к другу,
Скорбно стоят тополя у домов.
Снегом всё чаще швыряется вьюга,
Льдисты сугробы речных берегов.

Чуть только вихрем свистящей метели
Стукнет в окно, Алтынджан поутру
Вздрогнет, поднявшись с бессонной постели,
Шубу надев, побредет по двору.

Хоть всё вокруг в пелене снежно-белой,
Хоть и мороз необычно крутой,
Чудится — лето, проснувшись, запело,
Чудится — вновь перед нею Досой.

Вот он из речки, что там, у дороги,
Воду несёт, чтоб полить огород.
Вот с кетменем, здоровяк босоногий,
Быстро по летнему саду идет.

Грабли в умелых руках иль лопата;
Ходит по грядке, что луга пестрей,
Дыню, как будто барашка из стада,
Выбрать получше спешит для гостей.

Издали мужа улыбкою грея,
Крикнет Алтын: — Не пора ли домой? —
Он ей шутливо: — Бахча вот созреет,
Дома тогда насижусь я с тобой!

Пот словно бусы на лбу, и не даром
Чудилось ей, что старательный друг
Только взмахнет кетменём, — от удара
Тут же цветы расцветают вокруг.

Отдых милей после трудной работы,
Так он джигитам-друзьям говорил.
Если водою напоены всходы,
Мнилось: он жажду свою утолил.

...Все это в памяти шло чередою —
Образы давних и радостных дней.
Часто ей слышался голос Досоя,
Словно живой он стоял перед ней.

Глядя в простор этой зимней долины,
Было ей любо о нем вспоминать...
Добрую весть о рождении сына
Ей не терпелось Досою послать.

Бьёт по лицу в белоснежном круженье
Вьюга, слетев с отдаленных вершин.
Рядом дорога. В немолчном движенье
Стук от колес и гуденье машин.

Слышишь,— и все же не так уже страшно:
Значит, в промерзшей степи не одна.
...Как-то, чуть свет, почтальонша Наташа
Вдруг постучалась тиха и бледна.

Дверь за собою прикрыла несмело,
Робко шагнула вперед, и едва
Юной хозяйке в глаза поглядела,
В горле как будто застряли слова.

И покатилась слеза за слезою...
— Гитлер! Будь проклят, собака, навек!
Трудно поверить — нет дяди Досоя...
Лучший в аиле он был человек!

— Пишут, он бился геройски с врагами
Там, где снаряды взрывались, гремя.
...У побелевшей Алтын под ногами
Словно бы вдруг закружилась земля.

Ветер. Метёт за окошком пороша,
Стелется дым над верхушками крыш.
Вмиг прибежала на зов почтальонши
Мать овдовевшей — седая Батыш.

Шепчет она: — Ах бедняжка ты наша,
Будет ребенок теперь сиротой!
Воду скорее неси!

И Наташа

Бросилась тут же к Батыш с пиалой.

Но Алтынджан, потрясенная горем,
Так же лежала недвижно, без слов...
Бросилась в кухню старуха. И вскоре
Был самовар закипевший готов.

Запричитала, в слезах, над вдовою,
Чай принесла ей: — Хлебни хоть глоток!
Но Алтынджан оставалась немою,
Сникшей, как сломанный ветром цветок.

Молча глядела она пред собою...
Черной кошмы ей казались черней
Белые окна с корой ледяною,
Белые стены и створки дверей.

Видит Наташа: уже полвосьмого,
Поздно! И темень в затихшем селе.
А извещение без марки почтовой
Горем осталось лежать на столе.

От овдовевшей глаза свои пряча,
С тётей Батыш попрощавшись кивком,
Сумку надела Наташа и, плача,
Тихо покинула сумрачный дом.

III

Черные вести в аил приходили,
Делая черными лица людей.
И от несчастья Алтын, обессилив,
Стала заметно бледней и худей.

В горьком письме том, пришедшем в селенье,
Было написано, что над Днепром
Немец, когда перешел в наступление,
Мощными танками шел напролом.

И что в жестоком бою, над рекою,
В ночь на вершине холма одного
Пуля внезапно сразила Досою.
Дальше приписка: «Мы мстим за него».

...Медленно ночь подбирается к дому,
В окнах всё гуще её синева.
Грустно листает страницы альбома,
С горем вдвоём, молодая вдова.

И, вспоминая о муже любимом,
Годы, когда с ним счастливой была,
Долго Алтын всё искала тот снимок —
Самый из всех дорогой — и нашла!

Оба счастливые. Оба нарядны.
Суженый в новом костюме своём,

И Алтынджан улыбается рядом...
Быть им теперь лишь на снимке вдвоем!

«Нету Досоя на свете»!—

И снова

Мыслей её обрывается нить.
Если судьба к ней была так сурова,
Если погиб он, то стоит ли жить...

...Может, затем, что терзалась тоскою
Женщина, став безутешной вдовой,
Лучик надежды — ребенок Досоя,
Мертвым, к несчастью, родился весной.

IV

Карамурун — аксакал седовласый,
Глядя с любовью на дочку Алтын,
Думал он часто, заботлив и ласков;
«Замуж отдам её,— будет и сын!»

В добром хозяйстве, в саду его ладном
Яблонь развесистых стройны ряды.
С горных вершин, чуть повеет прохладой,
Тихо качнутся на ветках плоды.

Карамурун — аксакал худощавый,
Ростом высок, но сутулый слегка.
Медленно в сад он заходит, и травы,
Кланаясь, никнут к ногам старика.

Семьдесят лет, что прошли незаметно,
Стали выкрадывать сладкие сны...
Чуть только луч встрепенется рассветный,
Всюду шаги аксакала слышны.

Смотрит — на небе от яркого света
Звёзды бледнеют и тают вдали,
Птицы, проснувшись, под утренним светом
Пёрышки чистят прилежно свои.

...Было — весной, неожиданно ранней,
В пору, как стал зеленеть весь аил,
Зятю в подарок у яблони крайней
Саженец Карамурун посадил.

Холил, листву подрезал его ровно,
Был он, обычно, обильно полит.
Видели все, как садовник любовно
Яблоньку эту для зятя растит.

И деревцо вырастало на диво;
Словно бы в дар старику за труды,
Были отменно душисты, красивы,
Яблони той густолистой плоды.

Карамурун их снимал осторожно,
И, надкусив с удовольствием плод,
Думал: «Коль зять попадётся хороший,
Значит, и сына семья обретёт!»

Ныне бредет он тропинкой прямою
И от ветвей не отводит всё взгляд
Яблони той, что сажал для Досоя,
Что украшала собою весь сад.

Всё-таки зоркий старик замечает:
Цвет-то у яблок созревших другой!
Бледный... Как будто они разделяют
Горе его Алтынджан дорогой.

Сердце его, как иглоу, кольнуло.
Весь побледнев, вдруг застыл он на миг.
...Вскоре тропинка направо свернула,
Низкий бугор перед дедом возник.

Здесь он любил отдыхать на досуге,
Сидя средь пёстрых цветов и травы,
Видеть отсюда сады всей округи,
Русло дороги, все тропки и рвы.

Вот уже тихо проснулись долины,
Горный ручей серебристо поёт.
Ветер, играя травой полевой,
Землю прохладой своей обдаёт.

Словно не осень, а раннее лето,
Словно и вправду среди тишины
Всё ж заживают под солнечным светом
Чёрные, страшные раны войны.

Смотрит вокруг, и саднящая рана
Сердце готова спалить старику...
Вынул привычно чакчу* из кармана,
Свежий насвай заложил за щеку,

Брызнуло солнце с вершин остроглавых,
Заголубел, заснял небосклон.
Лес, подражая проснувшимся травам,
Тянется к солнцу верхушками крон.

В волнах незримых рассветной прохлады
Медленно, чуть наклонивши свой стан,

* чакча — вроде кисета

Тропкой, по мирно шумящему саду,
С миской для яблок идёт Алтынджан.

Остановилась. Взглянула с тоскою:
Вот — эта яблоня! Третий уж год
Названа именем друга Досоя,
Как она пышно, как славно растёт!

Светлая, добрая память о милём...
Ветви, шурша, закивали ей вдруг,
Мнилось, что яблоня с ней говорила,
Мнилось — её утешала, как друг.

«Лето опять незаметно минуло...
Он никогда не вернётся в наш сад!»
И Алтынджан, прослезившись, вздохнула,
И побрела по тропинке назад.

Шла она, слёз своих не замечая,
Вот и садовой тропинке конец.
...Мать хлопотала по-дому, и к чаю
Вскоре явился и старый отец.

Вытерев яблоки без промедленья,
Те, что из сада Алтын принесла,
Как наилучшее из угощений
Мать на подносе к столу подала.

И Алтынджан, всё грустя, через силу
Слёзы сдержала, взглянув на плоды.
Яблоко только одно надкусила,
А от другой отказалась еды.

И, поглядев на тоску черноокой,
Дед так подумал, не в первый уж раз:
«Как овдовела, себя одиноко
Чувствовать дочь моя стала у нас!»

Трое сидели в молчанье. И вскоре,
Глаз не подняв на печальную дочь,
Вышел отец, убиваясь, что в горе
Бедной Алтын он не может помочь.

И ничего как бы не замечая,
Мать пододвинула дочке своей
Хлеб, пиалу с остывающим чаем,
С грустью, тайком наблюдая за ней.

Ну, а потом поднялась и, проворно
Кур созывая и желтых цыплят,
Начала сыпать им жменями зерна,
И незаметно направилась в сад.

— Что ты сбежал!?

— Я на старость в обиде...

Веришь, тоска меня дома берет!
Лучше, чтоб дочери горя не видеть,
Я бы отправился тоже на фронт!

Бедная дочка, лицом почернела,
Блекнет от слез, как осенний листок.
Горе бедняжку совсем одолело, —
Больше смотреть на неё он не мог!

— Вид её скорбный терзает мне душу!

Батыш-апа взволновалась опять:

— Ишь, раскудахтался! Больно ты нужен,
Где там тебе, старику, воевать?!

V

Дали работу Алтын в сельсовете:
Библиотекаршей стала она,
Думая: «Если живу я на свете,
Значит, как все, и работать должна!»

Было в новинку занятие ей это.
С полок высоких, со всех стеллажей
На Алтынджан в помещении светлом
Словно бы тысячи смотрят людей.

Маркс обитает здесь белобородый,
Ленин с улыбкою из-под усов.
Книги — они ведь как хлеб для народа:
Для молодёжи, и для стариков.

Но, как и все, она видела с болью,
Что в их аиле редееет народ.
Женщины, дети — на пастбищах, в поле
Тех заменяли, кто отбыл на фронт.

И что ни день, то нехватку джигитов
Всё тяжелей ощущал весь аил.
Трудно всем было. И ели не сыто,
Бились с нуждою из всех своих сил.

И Алтынджан, поднимаясь до света,
Бралась за труд со старанием свой.
Старцам аила читала газеты,
К ним заходя вечерами домой.

Книги, бывало, за пазуху клала
Женщинам тем, что в полях до темна:

— Чтобы, ребенка кормя, прочитала! —
Так говорила с улыбкой она.

И книгоношу ценили в округе,
Рад был прилежной Алтын каждый дом.
И приглашали её на досуге:
— Чаю зашла бы попить с толокном! —

А что получше, для фронта — солдатам!
Чай и без сахара можно попить,
Лишь бы живыми вернулись обратно,
Лишь бы скорей до победы дожить!

Сколько солдатками пролито пота,
Сколько войной им нанесено ран!
«Что перед ними моя-то работа!» —
Часто терзала себя Алтынджан.

В библиотеке, в цветных переплетах,
Книги и книги... Нет счета томам!
Все, что ни есть, перечесть ей охота,
Только ведь многое не по зубам!

Вникнуть старалась, а всё ж не постигла
Сути иных, что прочла... Как ей быть?
Если вдруг спросят: о чем эта книга?
Смысла не сможет она объяснить.

Думалось ей: «Ну, а вдруг я напрасно
Здесь, среди книг, провожу свои дни...»
Как-то зашел аксакал седовласый:
— Я к тебе, дочка, с вопросом одним.

Стар я, тревожусь о том, что же завтра?
Жизнь-то не вечная людям дана.
Знаю, дитя, что ты скажешь мне правду,
Скоро ли кончится эта война?

Многое нам, старикам, непонятно,
Ты ж, Алтынджан, как большой грамотей,
Знаешь, когда же отступит проклятый
Гитлер, угнавший у нас сыновей!

Скорбный вопрос **перед юной вдовою**
Встал, как на **ровной дороге скала**.
...Немец входил в **города наши с боем**,
Нивы сжигал и селенья до тла.

Совестно очень и горько ей стало,
Что, прочитав столько книг и газет,
Столько статей,
на вопрос аксакала
Дать **она точный** не может ответ.

И Алтынджан вновь подумала с болью:
«Нет, мне, конечно, не место среди книг!
Лучше работать на пастбище, в поле,
Камни таскать, рыть лопатой арык...»

Вдруг на дорогу, из-за поворота
Вынырнув, бричка пошла по прямой,
То возвращались с тяжелой работы
Женщины-вдовы, солдатки домой.

И над равниной, темнеющей сонно,
Бойким звучанием радуя слух,
Словно хмелея в степи от озона,
Песня взлетела, неожиданная, вдруг...

Мнилось, что звезды зажгла в небосводе
Юная женщина песней своей,
Та, что умело держала поводья,
Лихо кнутом погоняя коней.

И все другие, что ехали с поля,
Песни ее подхватили слова.
И, замерев у окошка невольно,
Долго внимала той песне вдова:

«Вновь сползла с вершины горной
Туча та, что как свинец,
А врагам, принесшим горе,
Скоро будет ли конец!?

Налетели волчьей стаей,
Сон отняли и покой,
Я о дне одном мечтаю,
Когда друг придет домой.

И пока со стаей черной
Бьется друг мой, льву подстать,
Я ему трудом упорным
Буду силу прибавлять».

Спели работницы дружно — и снова
Слышен их говор веселый.

Нет, нет,
Скажет одна из них острое слово,
Вызовет острую шутку в ответ.

Кто поправляет платок, кто, витая
В мыслях своих, позабыл про подруг,
Кто, поглядев на пернатую стаю,
В след ей махнув, опечалился вдруг.

— Тпру-у!—Остановка. И шумной гурьбою,
С брички сошли все у будки. И там —
Ведра, узлы захвативши с собою,
Женщины все разошлись по домам.

У Алтынджан, что стояла печально,
Стал веселей, оживленнее взгляд:
Будто бы вдруг на душе полегчало,
Будто и вправду пошло все на лад.

Твердо решила — в аиле ей надо
Вместе со всеми солдатками быть!
Не тяжелы и камнейв громады,
Если их вместе из речки тащить!

«Мне, молодой, полной сил, неприлично
Быть в стороне от работниц-подруг.
Тяпки, что в смуглых руках свекловичниц,
В поле моих дожидаются рук».

Мысль эта в сердце ей бодрость вселила.
Быстро, не чувствуя ног под собой,
Библиотечные двери закрыла,
И поспешила вернуться домой.

VI

Будто бы море — вот эти просторы
Чуйской долины:

с обеих сторон

Собранной свеклы вздымаются горы,
Схожие с гребнями вздыбленных волн.

Там, где лопатой земля перерыта,
Чуть только солнце проснётся в горах,
Ходит Алтын-бригадир деловито
Средь свекловичниц в мужских сапогах.

Поле искрится от яркого света,
Ветер нет-нет и пахнет невзначай.
...В час перерыва, покончив с обедом,
Пьёт Алтынджан здесь с бригадою чай.

Всадник внезапно возник на дороге.
Кто-то сказал, на джигита взглянув,
— Это вдовец наш, Солпу хромоногий,
Новую, видимо, ищет жену!

— Ищет себе молодуху по нраву,
Кто приглянётся — жениться готов!
— Что ж, хоть не молод, жених он на
славу!
— Только вот жаль, что не носит усов!

— Хоть и хромой, а приятный он с виду,
Быть он супругом достоин вполне!
— Да и красивее многих джигитов,
Как великан, он сидит на коне!

— Ну, с великаном он вряд ли поспорит,
Разве, что только широкой спиной!
— Важно сидит он кассиром в конторе,
Делая вид, что начальник большой.

Красками всеми, какие на свете,
Был нарисован портрет. И притом
Больше, чем в самой подробной анкете,
Было всё сказано здесь о хромом.

Вот он подъехал, с улыбкой кивая,
С лошади слез черногривой своей.
И как знакомого жителя края,
Много его окружило людей.

Синий костюм на Солпу из вельвета,
Пара начищенных, новых сапог.
Что пятьдесят ему лет уже, в это
Всё же поверить никто бы не смог.

Руки он жмёт всем с улыбкой привычной,
Боек на слово, доволен собой.
Сразу, как видно, среди свекловичниц
Нашу Алтын заметил герой.

А молодухам не то, что обидно,
Но подшутить над подругой не грех;
— Мы бригадира лишимся, как видно!
— Не миновать! — раздается сквозь смех.

— Девушки часто выходят за старых,
С ними пасут на джайлоо овец,
Чем же вдове молодой он не пара?

Не у одной здесь с его появлением
Вспыхнули щеки, заискрился взор.
И, возвратясь на места с оживленьем,
Все продолжали о нем разговор.

Длинною трубкой пыхтя то и дело,
Чуть только шутки умолкли вокруг,
Тут же к Алтын он направился смело,
К той, что поодаль была от подруг.

Белым платком с ярко-синей каймою
Вытер очки и, надев их опять,
Очень старался он перед вдовою,
К ней по тропинке идя, не хромать.

— Занята я, извините! — сурово,
Глядя в упор, она произнесла.
— Это не важно. Лишь были б здоровы,
Что вы спешите, потерпят дела!

Так он сказал, и огромной рукою
Сжал ей ладонь самозванец-жених,
— Я, Алтынджан, все слежу за тобою,
Вечно, поверь мне, ты в мыслях моих!

Ты натерпелась, бедняжка, ведь тоже,
Да, не легко одинокою быть!
Я ведь давно в одиночестве тоже,
Жизни бы наши нам соединить.

Только Солпу эту вымолвил фразу,
Словно ударил бы женщину гром.
Вырвала руку Алтын свою сразу,
Бросилась в поле — к подругам, бегом!

«Баба есть баба! Сбежала без толку!
Лучше, чем я, не видать ей во сне!
Будет кружить вокруг меня перепелкой,
Если она все ж достанется мне!»

Вслед Алтынджан поглядел он угрюмо,
Видно обиду в душе затая.
Сел на коня и с волнением подумал:
«Где же Салый, где сестрица моя?»

VII

Ныне мы вновь под Туура-Белесом,
В доме том, где героиня росла.
Тут же толстуха-Салый, что невесту
К старым родителям сватать пришла.

Сели за чай, как обычно — под вечер.
В окнах закат золотисто пылал.
Слушают свахи неожиданные речи
Батыш-апа и седой аксакал.

— Сделать добро для Алтын мне охота!
Нам породниться б, нам близкими стать!
Мы — земляки, одного с вами рода,
Будем друг другу во всем помогать.

Брат мой Солпу — благородный мужчина,
Слова дурного не скажет жене.
Вам отказать ему нету причины,
Станет Алтын мне любимой джене*.

В горе несчастной война виновата!
Нет жёнихов. А проходят года...
Если ж её отдадите за брата,
Будете, право, спокойны всегда!

Речи такие по сердцу старухе:
Все справедливо: В разгаре война...
Бойким словам этой свахи-толстухи,
Радуюсь втайне, внимает она.

* Джене — золовка.

Ну, а Салый, всё надеждою тешась,
Сладко их дочки рисует судьбу.
Видно, мечтая, женитьбой утешить
Старшего, вдового брата Солпу.

И, тараторя, она добивалась,
Видимо, брата Солпу похвалы.
Кстати,— без нитки к Салый привязалось
Прозвище это: «Толстуха-Салый».

Дверь неожиданно скрипнула глухо,
И Алтынджан появилась, мрачна.
С места проворно вскочила толстуха,
Радостно вскрикнула:— Вот и она!

Расцеловала и села с ней рядом,
Думая: «Вот уж невеста — краса!
И, улыбаясь, восторженным взглядом
Стала глядеть молодой в глаза.

Та от Салый отодвинулась в страхе:
Ясно, откуда заброшен аркан!
«Как же спастись от назойливой свахи?»—
Думала, похолодев, Алтынджан.

Ну, а Салый, с ней ведя разговоры,
Тут же старухе мигает: мол, мать,
Не оплошай-ка, с тобою нам в пору
С дочкой твоей разговор начинать.

Батыш-апа приготовилась тоже,
Глядя с надеждою на старика.
Знала, что дочка послушна, но все же
Начала речь она издалека:

— Дочь моя, кровь наших воинов льется.
После победы, ты знаешь, Алтын,
Может, с войны распроклятой вернется
Из десяти женихов лишь один!

Трудно тебе, молодой, быть вдовою.
Если б, конечно, теперь не война,
Я бы ни слова об этом с тобою,
Ты же у нас, мое сердце, одна!

Правда, замужество—сложное дело,
Трудно решиться на это, нет слов.
Хоть бы, дитя мое, ты пожалела
Коль не себя, так уж нас, стариков!

— Знаю, хромой у тебя наготове,
Только и ждете набросить аркан!
Тут же толстуха насупила брови:
— Как привередлива ты, Алтынджан!

Что это у молодых за привычка
Думать лишь о молодых женихах!
Ты, Алтынджан, не девчонка в косичках,
Возраст не тот, чтоб витать в облаках!

Хватит ходить тебе скорбной вдовою!
Мать поддержала: «Жених в самый раз!
Был твой Досой в твоём сердце звездой,
Жаль, но навеки ушел он от нас...»

— Мама, я слушать об этом не в силах,
Мне без Досоя не мил белый свет...
Чем я, скажи, тебе не угодила,
Даже и дома сочувствия нет!

Мать ей на это ответила нежно:
— Женщине трудно на свете одной...
В доме хозяин быть должен прилежный,
Ты же должна быть послушной женой.

Вспыхнула дочка: — Ой мама, ну что ты?!
Слов не желаю я слушать таких!
Что я в руках не имею работы,
Иль не забочусь о вас, о родных?

— Разве советовать доброе—плохо?—
Дочку спросила обиженно мать,
Глядя на это,
толстуха со вздохом,
Стала упрямицу увещевать:

— Горько тебе, понимаю я это,
Но ведь погиб не один твой Досой!
Слушай меня, в твою пору расцвета,
Грех тебе жить, моя радость, одной.

Ты и пожить-то, Алтын, не успела,
В сердце твоём беспросветная тьма...
Вот мы к тебе и пришли с этим делом.
Правы, не правы — решай ты сама.

Думаю, что согласишься ты с нами,
В пору женой тебе, милая, стать.
Брат мой Солпу не трава под ногами,
Та, что ты в поле привыкла топтать

Батыш-апа прослезилась тут снова,
И от волненья заметно бледна.
— Вот мое, дочка, последнее слово,—
С грустью во взгляде сказала она:

— Мечется горе твое суховеет,
Вянет твоя молодая краса.
Часто, смущаясь, иль просто робея,
Мы закрываем на правду глаза.

Много в аиле вернувшихся с битвы,
Ты ведь их знаешь — глядеть прямо страх,
Как по аилу шагают джигиты,
Рано состарившись, на костылях...

Где ты супруга найдешь молодого
Разве о том не подумала ты?
В скольких домах безутешные вдовы
Горькие слезы пьют вместо воды!

Нет женихов подходящих в аиле,
Тяжко тебе одинокою быть...
Мы уже вместе с отцом обсудили:
Надо тебе за Солпу выходить!

Ты ведь надежда для нас и опора,
Жить нам осталось не много годов,
Что ж бесконечно вести разговоры?
Лучше послушайся нас, стариков!

И Алтынджан, хоть и было ей больно,
Думала: «Воле моей вопреки,
Видно, желая мне жизни спокойной,
Взялись сосватать меня старики.

Старые люди...

нельзя быть в обиде,
Хоть заарканить меня норовят.
Завтрашний день неразборчиво видит
Их потускневший от времени взгляд».

Шепчет ей мать: «Заупрямилась, что ли?
Иль у тебя не хватает ума?
Если ты против родительской воли,
Что же, скажи нам об этом сама!»

И прошптала Алтын со слезами:
«Может быть, мама, ты в этом права.
Хоть вы решили судьбу мою сами,
Дайте мне время подумать сперва».

Все же, как видно, на дочь повлияли
Долгие просьбы Салый и родных,
«Да и вторично полюбишь едва ли,
Надо, наверно, послушаться их».

Что было после, не знаю...

Но встало

Солнце, и тут же, поутру, с овцой
Прибыл Солпу. И в доме аксакала
Стали устраивать свадебный той.

Благо Салый, как всегда, энергична.
Хоть третий год уже длилась война,
Все заготовила к свадьбе отлично:
Мяса и водки, сластей и вина.

Батыш-апа откровенно сияет,
Дочке кивает: «Вот так бы давно!»
Сваха-толстуха гостей развлекает
И наливает в стаканы вино.

Полная, в платье с расцветкою яркой,
Ходит вокруг, от усердия пыхтя,

Лично от всех принимает подарки,
Каждому гостю умеючи льстя.

Дед в тубетейке на месте почетном,
Не замечая вокруг ничего,
Чай попивая, все думал о чем-то,
Мучило что-то, как видно, его...

Курит жених, восседая спесиво.
Глядя на брата, хитра,
Да и к тому ж еще красноречива,
Хвалит его то и дело сестра.

Помолодевший, одетый нарядно,
Видно, удачей своей упоен,
Всех обводя торжествующим взглядом,
Стал говорить с оживлением он:

— Дом мой в столице на славу отстроен,
Будет он родичей радовать глаз.
Все, что вдвоем наживем мы с женою,
Общим все будет в семействе у нас.

Мы арычок проведем вдоль ограды,
Яблонь насадим, и выбелим дом.
В нашем хозяйстве все будет, как надо,
Будет жена мне советчик во всем.

«Мой разговор ей, как маслом по сердцу»!—
Думает он, за невестой следя.
«Ей—овдовевшей-то—некуда деться,
Станет послушною мне, как дитя!»

...Видимо, горе утихло бывшее,
Или отхлынуло вдруг, как волна.
Или Алтын пред родными на тое
Делает вид, что довольна она.

VIII

Ну, а сестрица — Салый ликовала:
Был и в аиле, и в городе той!
Сделано ею для брата немало
Очень довольна толстуха собой!

Хвастал Солпу перед всеми на свадьбе:
Сад, мол, при доме его городском,
А оказалось, что вместо усадьбы —
Дом неказистый с пустынным двором.

Вид Алтынджан, её взгляд и походка
Будто собою украсили дом.
Каждый джигит, поглядев на молодку,
Взгляд отводил, восхищенный, с трудом.

Дар быть хозяйкой — важнейший из даров.
Так и Солпу молодая жена
Вещь переставит в дому его старом,
Станет как будто новее она.

Гости ходили подряд три недели,
Новой хозяйкой восхищены.
Досыта пили и досыта ели,
Будто и не было вовсе войны.

И любопытна, и неутомима
В дом забегала толстуха-сестра.

Трубкой пуская колечки из дыма,
Муж Алтынджан проводил вечера.

Та, улыбаясь счастливо для вида,
Чтобы родителей не огорчать,
На стариков своих пряча обиду,
Что б не случилось, решила молчать.

«Я ведь родная их дочь, плоть от плоти,
Как бы мне не было тягостно тут,
Буду здесь жить, забываясь в работе,
Хоть старики пусть спокойно живут!»—

Так про себя она думала грустно,
Втайне смирясь, не ропща на судьбу.
«Правит хозяйством молодка искусно».—
Думал, следя за женою, Солпу.

«Хоть небольшой, но в дому есть достаток,
Хоть и бездетны, но все же семья!
Всюду женою наведен порядок.»—
Так он раздумывал, трубкой дымя.

Если ж зайдет молодой к ним мужчина,
У подозрения злого в плену,
Сразу вскипает Солпу без причины
И упрекает в кокетстве жену.

Если же, принарядившись немного,
Двери Алтын приоткроет едва,
Он преграждает ей тут же дорогу,
Грубо бросает такие слова:

— Что нарядилась ты? Празднество,
что ли?

Дома сиди рядом с мужем своим.
Ты — моя собственность, я не позволю,
Чтоб улыбалась ты где-то другим!

Ты не успела ко мне перебраться,
А уж сидеть надоело со мной!
Хочешь по улицам с кем-нибудь шляться!
Иль ты забыла, что стала женой!

Знать ты должна, что совсем я не злобен,
И говорю тебе это любя,
Что ты глядишь на меня исподлобья?
Коль провинишься, пеняй на себя!

Много обид у неё накопилось:
Мало, что злобен Солпу и суров,
Сколько бы дома она ни трудилась,
Добрых от мужа не слышала слов.

Но всё моячала... Не то, чтобы слабой,
Просто была терпеливою с ним.
Если ребенка она не ждала бы,
Может быть, всё же вернулась к родным.

Да и толстуха-Салый почему-то
Гостьей не частою стала у них —
Вдруг забежит иногда на минуту,
Но без улыбок, без шуток своих.

Только Солпу на работу в сберкассу
Утром уйдет, не простившись с женой,

Только захлопнутся двери, так сразу
Легче дышать ей в квартире одной.

...День ото дня их хозяйство скудело,
Да и конца-то не видно войне...
И Алтынджан, похудев, то и дело
Думала с грустью о завтрашнем дне.

Или, бывало, по улицам бродит
Тихо, с печальной думой своей:
«Мне бы устроиться надо работать,
Ведь, что ни день, то семье тяжелей!

Правда, на это Солпу не согласен...
Значит, мне надо решиться самой;
Жаль, что лишь семь я окончила классов,
Ну, а куда ж неученой такой!

Фабрик, заводов здесь в городе много,
Облако дыма над каждой трубой,
Шумно, как будто из школ на дорогу,
Люди выходят с заводов гурьбой.

Да и на людях куда веселее!
Славная жизнь у работниц-подруг!
Трудятся дружной семьей все. В музеях,
В театрах, в кино свой проводят досуг.

Я занялась бы работой любой
Вместо того, чтобы дома сидеть.
Можно ведь стать ну хотя бы швеёю,
Долго ль наперсток на палец надеть!

...Вон две подружки на месте застыли
И на витрину большую глядят.
Верно, наряд себе сами пошили,
Как хорошо на них платья сидят!

Что привлекло там подруг быстроглазых,
Может, задумали ткани купить?»
Батыш-апа тут ей вспомнилась сразу,
Мысль к ней опять протянулась, как нить.

«Да, я ведь помню, как в нашем аиле
Мамой моей восхищался народ:
Хором всегда про нею говорили:
Лучше никто из киргизок не шьет!»

Вот уж искусной была мастерицей:
Скроит то юбку кому, то чапан,
Зимнюю шапку сошьет из кунуцы,
Платье для дочки своей Алтынджан.

На лошадях и пешком из селений
В дом прибывал к ней, бывало, народ;
Каждый дивился тому, как с умением
Кроит портниха одежду и шьет.
Только кроить она что-либо станет,

Стол свой придвинув поближе к окну,
Дочка следит, как, нагнувшись над тканью,
Мать измеряет длину, ширину.

Был глазомер её просто на диво
Точен. И вкус был к тому же большой.
Как облегалo фигуру красиво
Сшитое платье умелой швейей!

К ней заходили соседки, бывало,
Кто за советом, кто с просьбой пошить,
Глянув на них, она скажет устало:
— Некогда! Да уж давай, так и быть!

Но упрекнет все же фразою хлесткой:
— Шить каждой женщине надо уметь!
Пальцы тоскуют у вас по наперстку,
Сами учитесь иголкой владеть!

И не придется вам бегать из дому,
Помощи вечно просить у меня.
Если научитесь делу такому,
Больше ценить-то вас станут мужья!

Эта работа была ей привычной,
И, хоть уроков шитья не брала,
И на машинках не шила фабричных,
Первой она мастерицей была!

«Я же училась... И, может быть, стоит
Дело найти по душе мне свое.
Что, если стать мне, как мама, швеёю,
Мне же всегда удавалось шитье!

Раз я уже переехала в город,
Надо серьезно подумать о том,
Для человека так сладок, так дорог
Хлеб, что своим заработан трудом!

Родичи стали все реже и реже
Нам помогать, принося толокна,
Голодно очень, и нету надежды,
Что вскоре кончится эта война.

Ну, а Солпу — мой жестокий обидчик,
Даже не думает вовсе над тем,
Что не бывает подчас даже спичек
В нашем доме, обнищавшем совсем».

IX

Ранняя осень. Давно уже не был
Светел так день, так умыта земля.
Воздух прозрачен, наверное, с неба
Можно в траве разглядеть муравья.

Но, как всегда, без улыбки встречая
Дня наступление, угнетена,
В грустном молчанье, несладкого чая
Утром Солпу наливает жена.

Руки дрожат...

Хоть не трудное дело!
Чай разливать, но на стол пролила...
Сразу заметно Алтын ослабела,
После того, как она родила.

Все не под силу ей! Сетуй, не сетуй,
Муж помогать не намерен ни в чем.
Выспался. Носом уткнулся в газету,
Как ни крутись, всё ему нипочем!

Ляжет и тут же за трубку берется,
Думает, сонно смотря из-под век:
«Дым над курящим коль облаком вьётся,
Значит, он важный, большой человек!»

Видит он — дверь приоткрылась, и чинно,
В чуйском аиле оставив дела,
Батыш-апа появилась с корзиной.
Много добра притащила она:

Есть и картошка в курджуне огромном,
Яблоки, сыр и кулек толокна.

Бросилась тут же Алтын ей навстречу:
— Как вы живете? Как дома дела?
Расцеловала, и нежно за плечи
Добрую, старую мать обняла.

Вынув свой мятый, цветастый платочек,
Гостя со лба стала пот вытирать.
— Как вы тут сами? Как чувствуешь,
дочка?—
Стала, усевшись, расспрашивать мать.

Муж Алтынджан приподнялся и сухо,
Злясь, что приход её спать помешал,
Вскользь, с недовольством взглянув
на старуху,
— А... Заходите,— сквозь зубы сказал.

И Алтынджан, не подав даже вида,
Как ей тяжка его сухость была,
Скрывши веселой улыбкой обиду,
Вьётся вокруг матери, словно юла.

Валит из черной трубы самовара
Дым белогривый. Готовится снесь.
В сковороде, запотевшей от пара,
Весело стала картошка шипеть.

Запах поджаренной свежей картошки,
Дым самовара — услада души.
Ровно нарезаны тещёй лепешки,
Хоть и овсяные, а хороши!

Ну, а хозяин, всех опережая,
С важною миной уселся за стол.
Словно бы тещу он сам угощает,
К ней пододвинул с едою котёл.

С видом почетнейшего аксакала
Важно сидел он. И лишь под конец,
Видно, наевшись уже до отвала,
Тещу спросил:— Ну, как там отец?

Та отвечала:— Наводит порядок!
Слава аллаху, он бодрый вполне!
Хоть аксакалу девятый десяток,
Всё же хороший помощник он мне.

Целых полвека прожил он со мною...
В ссоре мы с ним не бывали ни дня!
Многих-то жён ведь хлестали камчою,
Он же и пальцем не тронул меня!

Если ж ему не поправится что-то,
Он упрекнёт.

А когда огорчён,
Сразу сама я стараюсь, с охотой,
Делать всё так, чтоб доволен был он.

Чистит седло, скакуна оседлает,
Вечно у мужа работа кипит!

Жизнь интересна была молодая,
Я на него не имею обид!

Звали его Токмерген, но в аиле
(Я вам сейчас расскажу почему)
Имя его земляки позабыли,
Карамуруном* быть вечно ему!

Было в аиле обычаем старым:
Если охотник добычу настиг,
Он из печёнки козла иль архара
Ест приготовленный тут же шашлык.

Так поступил и отец ваш однажды.
Но он, поевши шашлык, позабыл
Вытереть к носу прилипшую сажу,
И в таком виде вернулся в аил.

Надо ж, чтоб встретил джене он
дорогой!
Смех заискрился у шустрой в глазах:
— Карамурун, ты хотя бы немного
Дичи бы дал нам, добытой в горах!

Помню, вернулся домой он понуро,
Хмурым, сердитым вернулся таким!
Вот и остался он Карамуруном,
Кличка навек закрепилась за ним.

Но ведь не станешь ругаться с народом,
И обижаться на то каждый раз!

* Карамурун — черный нос.

Хмурый Солпу, подперев подбородок,
Слушал внимательно тещин рассказ.

И не стерпел, посмеялся на совесть
Над этим случаем. Ну, а потом,
Видно, заранее к тому приговорясь,
Мать завела разговор о другом.

— Ох, извела всех война! А в аиле
Дема уже без вдовы не найти...
Хоть бы вы, милые, счастливы были,
Молоды... Всё ведь у вас впереди!

Трудно пока... А победа настанет,
Явно война-то к концу уж идёт,
Будет полно у вас на дасторконе*,
Будет, в чём выйти всегда на народ.

Жизнь всех уставших людей облегчится,
Только на фронте окончится бой.
Будете оба прилежно трудиться,
В руки достаток придет сам собой.

Дочка в аиле работу имела,
Даже тогда — до начала войны.
Надо Алтын нашей взяться за дело,
Всюду ведь женские руки нужны!

«Вот куда теща хитрющая клонит!—
Думал Солпу.— Не пущу ее впредь!»
С трубкой уселся он на подоконник,
Чтоб за одним с ней столом не сидеть.

* Дасторкон — скатерть.

Мрачно хозяин курил. Тем не менее
Гнев свой сдержал он. Смутившись слегка,
Тёща, заметив его настроение,
Тут же решила: «Отложим пока!»

Х

Только сынок их ходить стал свободно,
Смолкнул войны ужасающий гул.
Словно джигит после тяжкой работы,
Шар наш земной облегченно вздохнул.

Маем, сияющим, зеленокрылым,
В месяц победы над грозной войной
К брату толстуха-Салый поспешила
Вместе отпраздновать с ним выходной.

Длинные руки у хитрой пролазы:
Водки достала, достала вина,
Сетку свою нагрузив до отказа,
К брату с утра заявила она.

— Ну, в честь победы!

За счастье народа!—

Водкой наполнила брата стакан.
Выпил Солпу её быстро, как воду,
Благо уставлен едой дасторкон!

Праздник! И даже Алтын веселится.
Сын — Медербек на коленях ее.
— Пейте и ешьте,— воркует сестрица,—
Вскоре иное настанет житье!

Ныне о трудностях люди забыли,
Радуюсь счастьем победной весны!—
...Ровно пять лет в их дома приходили
Черные вести с проклятой войны.

— Выпей, Алтын, в этом нету худого,
Против великого дня не грешни!
Выпей хотя б за сыночка родного!—
Просит толстуха её от души.

Выпив вина, Алтынджан вдруг решила:—
— В доме я этом и мать, и жена,
Что ж я молчу, будто в чем провинилась,
Высказать все я сегодня должна!

Тут же Салый оживилась: — Коль дело
Есть у тебя, говорить ты должна!—
И про себя: «Вроде бы осмелела
Брата Солпу молодая жена!»

Та продолжала:— Я предана дому,
Вместе с тобою всю жизнь мне прожить.
Мало ль, что было у нас, по-пустому
Прошрое нечего нам ворошить.

Да, я была нерешительной, слабой,
Слышишь, так дальше я жить не могу!
— Чушь ты городишь, нетрезвая баба!—
Вдруг оборвал её резко Солпу.

— Зря ты, Солпу, обрываешь сердито,
Выслушай лучше и дай мне совет.
Надо работать мне тоже, чтоб сыты
Были с тобой, ну, какой в этом вред?

— Да,—поддержала Салый,—это — дело!
Завтра ж на фабрику, слышишь, джене?
Ты и меня за одно бы одела,
Все за войну износилось на мне!

Гневно хозяин взглянул на толстуху,
Словно гвоздем раскаленным пронзил,
И, не заметив, что трубка потухла,
Взяв её в рот, про себя рассудил:

«Ишь, захотела, как видно, свободы!
Нет, не дожидаться ей этого дня!
Скажут — мол, я отстранен от работы,
Скажут — жена моя кормит меня!»

Водки налил он себе торопливо,
Разом глотнув, поперхнулся до слез.
Водка злобливость его обострила,
Брови подняв, он хрипя произнес:

— Люди, что скажут про нас?! Ну хотя бы
Ты, Алтынджан, побоялась молвы!
Вот уж у вас, непутевые бабы,
Правда, что нет на плечах головы!

— Вечно дрожу я над хлебом, над солью,—
Тихо на это сказала Алтын,—
Да и война нас прижала тем более,
А ведь, подумай, растет у нас сын!—

Тетка—толстуха-Салый помрачнела
И в разговор их ввязалась опять:
Видно, золовке помочь захотела,
Если решилась Солпу возражать.

— Мало ли кто из друзей и соседей
Треплет напрасно своим языком!
Так ведь и жить невозможно на свете,
Если все слушать, что мелют кругом!

Ты ж не ребенок! Соседей встречая,
Сплетен не слушай их и клеветы!
Я же, сама за Алтын отвечаю,
Должен понять наконец ее ты!

Тут же в Салый, говорящую смело,
Впился он взглядом колючим своим,
Злое лицо у него побледнело,
Словно бы меч был занесен над ним!

— Как ты осмелилась в доме у брата
Встать на защиту бунтарки такой?!
Ишь ты, никак нанялась в адвокаты?
Вон! И чтоб больше сюда ни ногой!

Вместо того, чтобы быть с ней построже,
Ты потакать вдруг задумала ей?
Слышишь, дуреха, в гробу даже лежа,
Я не прощу тебе этих речей!—

Так он кричал, и Салый со слезами,
Тут же вскочила и бросилась прочь.
А остальное представьте уж сами!
...Чем же теперь Алтынджан нам помочь?

Выбежать тут же неловко ей было,
И, поглядев на Салый из окна,
Бедная женщина тихо твердила:
«Как же теперь я здесь буду одна?!»

В чем перед братом Салый виновата?
Горько обида теперь её жгла!
Слезы ручьями... Она ведь для брата
Броситься в пламя — и то бы могла!

Гнев на неё ни за что ведь обрушен!
Больно, что он, разъяренный, как зверь,
Выгнав ее, словно плюнул ей в душу,
Видно, чужою считает теперь!

«Брату Солпу я ведь предана слепо!
Надо же было сосватать их мне!
Надо ж своими руками нелепо
Сделать навеки несчастной джене!»

Ну, а Алтын и скромна, и спокойна,
Терпит все это не первый уж год!
Золото прямо! А он — недостойный,
Вечно бедняжке житья не дает!

Если бы злобной и яростной бабой
Наша Алтын дорогая была,
Мужу в глаза уж вцепилась хотя бы
Иль на всю улицу крик подняла.

Иль поспешила бы, может быть, прежде
С жалобой горькой к начальству его,
Иль унесла бы с собою все вещи,
Мужа оставив ни с чем одного.

А Алтынджан, хоть в обиде на брата,
Ласкова так и душевна со мной.
Вот еще горе мне. Брат мой проклятый,
Как издевается он над женой!»

XI

Сказочны утром хребты Ала-Тоо.
Ветер игривый подует едва,
В уличных скверах, в аллеях садовых
Станет шептаться с листвою листва.

То аромат он тех пастбищ нагорных
В город столичный приносит с утра,
То вдруг в окошко стучится упорно:
«Мол, просыпайтесь, уж утро, пора!»

И в приоткрытые двери свободно
Входит дыхание теплой поры.
И человек себя чувствует бодро,
Словно стоит на вершине горы.

В этой весенней, предутренней рани,
В час, когда все еще спят в тишине,
Сонной, поблекшей луны очертанье
Плавает в тронутom светом окне.

Ныне толстуха-Салый встала рано.
Бодро надела халат голубой.
Двор подмела. И, нагнувшись у крана,
Быстро умылась холодной водой.

...В городе — улиц больших перекрёстки,
Стройной шеренгой дома — вдоль аллей,
Где, серебрясь, великанского роста
В небо вонзились ряды тополей.

Разные судьбы за каждой стеною...
Утром, заслыша знакомый гудок,

Девушки шумной выходят толпою,
Треплет им косы, шутя, ветерок.

Если проходит кто здесь, то обычно
Слышит из окон стрекочущий звук:
Трудятся в каждом из цехов фабричных
Сотни проворных старательных рук.

...Чуть зарумянилась зорька рассвета,
За руку взявши, была не была!
Брата жену, смело, в здание это
Ныне толстуха-Салый привела.

Вот кабинет. Стол. В углу вентилятор.
Синие стены. В графине — вода.
Женщина с добрым, приветливым взглядом
Встала навстречу вошедшим сюда.

Узкие скулы. Высокого роста.
Хоть и строга, хоть директоршей тут,
Все, кто на фабрике, Любою просто
Женщину славную эту зовут.

Так и Салый, обратясь без смущенья,
Об Алтынджан беспокоясь судьбе,
— Слушай-ка Люба,— сказала с почтеньем,—
Кадры взялась поставлять я тебе!

Это — золовка моя дорогая,
Из одного мы аила, как раз.
Я привела ее, оберегая
От подозрительных мужниных глаз!

Люба в ответ ей, смеясь, закивала:
Видно, Алтын по душе ей была.
— Швей из аилов на фабрике мало,
Рада я, что ты её привела.

Ладно, таких, как Алтын, я искала,
Кто к нам с душой,— тем мы рады всегда!
Здесь бы, на фабрике, не помешало,
Чтоб засветилась аила звезда.

И обратилась с улыбкою милой:
— Что ж ты, Алтын, там стоишь у дверей?
Ты на машинке когда-нибудь шила?
И Алтынджан так ответила ей:

— Мать моя первой считалась швеею.
С детства у ней я училась шитью.
Люба в ответ: — Повезло нам с тобою.
Будешь любить ты работу свою!

А твоя мать, где шитью обучалась?
Видно, вопросом тем удивлена,
Громко толстуха-Салый рассмеялась:
— Знаю я, где обучалась она!

Каждого нашего жителя знала
Помня на глаз его рост и объем.
Веришь ли, весь наш аил обшивала,
Будучи мастером в деле своем!

У своих рук она ловких училась,
У своих зорких, внимательных глаз;
Вот потому и успеха добилась,
Первой швеею считалась у нас!

Слушая, Люба с улыбкой глядела
На Алтынджан. «Попытаться не грех!
Вот и приступим сегодня же к делу»,—
И вместе с ними направилась в цех.

В цехе просторном машинки стрекочут,
Множество платьев раскрытых тут.
Ровные, четкие линии строчек
Из-под иголок по ткани бегут.

Подозвала к себе шуструю Катю:
— Вот познакомься. Я с просьбой к тебе,
Будешь учить эту женщину. Кстати,
Новая кое-что смыслит в шитье.

С детства она подружилась с иголкой.
Чтоб ей хорошей работницей стать,
Всё объясняй терпеливо ей, с толком,
Новенькой буду и я помогать!

Все — пожилые, и кто помоложе,
Не отрывали от новенькой глаз.
...А остальное узнаем попозже,
Будет об этом отдельный рассказ.

Нежно с золовкой прощаясь, толстуха
Тихо шепнула: — Теперь ты швея!
Мужу об этом, смотри же, ни звука!
Пусть только знаем пока — ты да я.

Ты же старайся, работай получше,
Я не напрасно тебя привела!
Люба поддержит тебя и обучит,
Ведь она тоже швеёю была.

И, поглядев на стоящую кротко,
Руку пожала ей пухлой рукой,
И поплыла коридором, как лодка,
Радуюсь очень удачи такой.

А Алтынджан среди светлого зала
Было неловко остаться одной.
Как-то тревожно и боязно стало:
«Вдруг не смогу стать хорошей швей?»

...Чуть только солнце как утренний вестник
Глянет в окно поприветствовать швей,
Наша Алтын на положенном месте
В цехе уже за машинкой своей.

Хоть и в работу ушла с головою,
Все ей мерещится — будто она
Ночью и днем, каменистой тропой
В гору спеша подниматься должна.

Люба — директорша, видно хотела,
С первых же дней опекая швею,
Знать, как у новенькой спорится дело,
Сразу вошла ли она в колею?

Думала: «Свыкнется ль с нашей семьёю?
Иль не обидит ли кто невзначай?»—
И, поздоровавшись с новой швейю,
Люба кивнула Алтын: «Продолжай!»

Мол, подошла вроде как по дороге,
Ну, а сама всё смотрела за ней:
Так ли с педалью справляются ноги,
Руки быстры ль, как у опытных швей?

Да, хорошо Алтынджан шьёт, с умением,
Много быстрее, чем в первые дни.
И неустанных катушек кружение,
Видно, проворной киргизке сродни!

Быстро бежит по материи строчка...
Люба, став ближе, сказала: — Сперва
Ты погляди, все ль в шитье твоём точно,
Правильно вшила ли ты рукава?

Любе смотреть на киргизку приятно,
Вскоре опять подошла она к ней:
— Ты, Алтынджан, хороша так и статна,
Что же согнулась? Сиди-ка прямей!

Стать мастерицей, швеей знаменитой
Здесь ты — на фабрике — сможешь как раз.
Будут вздыхать по тебе все джигиты:
Красят успехи любого из нас!

Ты молода и усердна в работе,
Вкладывая в труд свой побольше души,—
И улыбнулась: — В нелегком полете
Крыльями, слышишь, смелее маши!

Главное — к цели идя, не бояться.
Люба ушла. Кто со злом, кто без зла,
На Алтынджан молодую косятся,
Словно дорогу та им перешла.

ХП

Если собрать всех ревнивцев,
в итоге,

Я это знаю, поверьте уж мне,
Будет, конечно, Солпу хромоногий
Самым ревнивым из всех на земле.

Спящим прикинувшись, он за женою
По вечерам неусыпно следит,
Или, уйдя, он за дома стеною,
Словно в засаде, часами сидит.

И наконец-то ревнивец проведал,
Словно ищейка, следя за женой,
Что Алтынджан от него по секрету
В цех поступила работать швей.

Как только стало ему все известно,
Так, потерявши и сон, и покой,
Злился он, не находя себе места,
Повод искал все для ссоры с женой.

— В садик решила устроить я сына,—
Как-то за чаем сказала она.
Это ревнивого сразу взбесило,
Вырвалась злобы кипевшей волна:

— Стала работать, и сразу зазналась!
«Рай» ты мне хочешь, как видно, создать!
Радуйся! Только одно и осталось,
Чтобы ребенка забросила мать!

Мужу ты сына растить помогла бы!
Нет от позора теперь мне житья!
Лучше пригреть уж собаку, чем бабу,
Ту, что бросает родное дитя.

Вот уж действительно дура пустая,
Ох!.. До ужасного дожил я дня!—
И захромал по двору, причитая:
— Что-за несчастье постигло меня!

А Алтынджан оглушило, как громом,
Было терпеть ей все это невмочь.
Вечер сидела с сынишкою дома,
Плача, пока не надвинулась ночь.

...В час, как лучи золотые пригрели
Окна, деревьев ветвистых стволы,
С шумом толкнув заскрипевшие двери,
В дом их ввалилась толстуха-Салый.

С нею Солпу. Он невнятно и глухо
Что-то бормочет все. Бьёт его дрожь.
В дверь его силой втащила толстуха:
— Видишь, Алтын, на кого он похож?!

Да, он действительно выглядел дико:
Сильно шатаясь, кому-то грозил,
В мокрой одежде, Солпу у арыка
Долго валялся, как видно, в грязи.

Утром, идя на работу, у сада,
Смотрит Салый и не верит глазам:
Ноги не держат нетрезвого брата,
Даже шагнуть не способен он сам!

Но подросла сестра его кстати:
Силой доставила пьяного в дом.
И с помощью Алтынджан до кровати
Брата, пыхтя, дотащила с трудом.

Женщин встревоженных не замечая,
Он без движенья лежал, как мертвец.
Стала поить Алтынджан его чаем,
Чтобы пришел он в себя наконец.

Ну, а Салый, отдуваясь, молчала,
С ужасом думая: «Вот так дела!»
Да и саму её тоже качало,
Словно земля под ногами плыла.

Перед Алтын ей за брата неловко:
Стыдно наверно, что свахой была,
Чуть только встретится взглядом с золовкой,
Словно вонзается в сердце игла.

А Алтынджан, та — до слез огорчилась:
Что же в дальнейшем ей ждать от Солпу?
Мысль эта в сердце у женщины билась,
Словно бы в бурю волна о скалу...

Заторопилась Салый и рукою
Знак подала: Ухожу! И одна.
Тихо Алтын прошептала с тоскою:
— Может, и в чем-то моя есть вина!?

ХІІІ

Эти высокие, снежные горы
Гордо, сверкая на солнце, стоят.
Травы лощин их, незримые взору,
Распространяют вокруг аромат.

Жарко. Но как ни была бы прогрета
За день пылающим зноем земля,

Чуть только солнце зайдет, незаметно
Входит прохлада, листву шевеля.

И при восходе луны желтолицей
Сказочен синий простор вечеров.
С танцами девушек может сравниться
Зыбкое море душистых цветов.

В теплых волнах вечеров этих летних
Словно парит окрыленно душа,
И под луною зеленые ветви,
Мнится, поют все, листвою шурша.

А на бульваре, наверно, до ночи
Будет опять прохлаждаться народ...
Только что смену вечернюю кончив,
Вышла Атлын из фабричных ворот.

Сдав всю пошитую ею одежду,
Бодро подставив лицо ветерку,
Думает: «Только на сына надежда,
С ним лишь могу я развеять тоску».

Как он болтает забавно и мило!
С нею он нежный, веселый такой!
Булочек сладких ребенку купила,
И понесла их в кулечке домой.

Ветер, с вершин прилетев, затихает,
То вдруг повеет прохладой опять;
С плеч он, как будто, усталость снимает,
Так хорошо, так свободно дышать.

Кто равнодушен к цветам ароматным
И к соловьям, что поют при луне?
К звездным, весенним ночам? Так приятно
Каждому видеть их даже во сне!

В ночи такие, в такие минуты,
Чудится — светится мир весь добром.
И Алтынджан, улыбаясь чему-то,
К дому идет торопливо двором.

Свет из окна полосой золотою
Полночи тихой рассек темноту.
Видит Алтын — среди комнаты стоя,
Трубкой дымит своей пьяный Солпу.

Сын — Медербек сам себе предоставлен:
Стулья вверх ножками на пол кладет.
Что-то лопочет он и беспрестанно
То леденцы, то ли сахар жует.

Мрачный Солпу же, услышав, наверно,
Стуки шагов, недовольный женой,
Начал метаться по комнате нервно,
Резко к окну повернувшись спиной.

А Алтынджан, как обычно, сначала
Стукнула тихо. В ответ — тишина.
Миг обождав, посильней постучала:
«Верно не слышит!» — решила она.

«Ну, открывай же!» — За дверью ни звука,
Словно бы в доме все вымерло вдруг.
Хоть сын и вздрогнул от сильного стука,
С места не сдвинулся злобный супруг.

Бросило в жар Алтынджан. Но, не веря
В умысел злой, постучала в окно.
Делая знаки: открой, мол, мне двери!
Но не открыл он жене все равно.

Важно, лениво, как делая милость,
Жестом он дал наконец ей понять:
Мол, убирайся, откуда явилась,
Двери не стану тебе открывать!

Мол, до тебя нам с ребенком нет дела,
Плохо без дома? Ну, что ж, поделом!
Мол, мое сердце к тебе охладело,
Мол, у других поищи себе дом.

Видно, решив, что и этого мало,
Грубо он крикнул ей, глядя во двор:
— Ты мне чужой и ненужною стала,
Слышишь? И кончен с тобой разговор!

Демонстративно налил себе чаю,
Медленно сделал с ухмылкой глоток.
Вроде он вовсе и не замечает,
Что его тянет к окошку сынок.

И кулаком погрозил ей к тому же;
Злобный Солпу, чтобы видела мать,
Начал постели стелить неуклюже,
Крикнув ребенку: «Немедленно спать!»

Мы не одни, — полночь тоже свидетель,
Как шла Алтын, улыбаясь, двором,
Как постучалась... И знают соседи,
Что не впустил он жену свою в дом.

И говорили:— Она виновата,
Слишком уж мягким Солпу с нею был!
Правильно сделал, что бабе развратной
В час этот поздний он дверь не открыл!

Ну, а иной кто, судил по-другому:
Мол, это — сложный семейный вопрос...
А Алтынджан все металась у дома,
Мужа кляня, задыхаясь от слез.

Ночь холодела, шурша тополями,
Мерзла Алтын в легком платье своем.
Ветер впивался в неё, как когтями,
Стыд и обида палили огнем.

Вот она, еле заметною тропкой,
Выйдя в затихшую ночь из ворот,
Облокотилась в бессилье о тополь,
Но его ствол был холодным, как лед!

Надо же ночью ей деться куда-то,
Страшно на улицах темных одной!
«Может, к Салый... Нет, она из-за брата
И без того потеряла покой!

Да и к тому же она предо мною
Чувствует, видно, бедняга, вину.
Мне растревать её рану не стоит,
Да и неловко мешать её сну!»

Город весь спит. Ни гудков, и ни гула.
Черные тени вдоль сонных аллей.
И Алтынджан, пораздумав, свернула
В сторону фабрики швейной своей.

Тихо. Безлюдны уже тротуары.
Скверик попутный залит темнотой...
Даже исчезли влюбленные пары.
В городе спящем так страшно одной!

Тихо идет она, будто бы в гору,
Словно бы тяжесть на плечи легла.
И наконец-то в полночную пору
К двери фабричной она подошла.

Сторож окинул пришедшую взглядом,
Но ей вопросов не стал задавать.
Села Алтын на скамейку с ним рядом,
Чтобы хоть как-нибудь ночь скоротать.

Добрый охранник, поживший немало,
Многое видел за долгий свой век,
Сразу смекнул: что-то с женщиной стало,
Жалко! Как видно, в беде человек!

Как бы Алтын ни печалила ссора,
Как ни замкнулась бы в горе своем,
Фабрика эта была ей опорой,
Близкой была, как родительский дом.

Все это время, покуда бродила
Женщина темною ночью одна,
Из-за обиды она позабыла,
Видно, о том, что была голодна.

Только под самое утро, с усилием,
Кружкой из бочки черпнув жестяной,
Булочки те, что купила для сына,
Стала жевать, запивая водой.

Хоть на душе так нерадостно было,
Все ж подступило к Алтын забытье.
Голод и жажду едва утолила,
Стали слипаться глаза у неё.

Сжавшись на досках шершавых в комочек
Спала Алтын... Но все слышалось ей:
Кто-то поодаль, шагая, бормочет,
Верно, охранник с винтовкой своей.

Да, он нежданною встречей встревожен,
Громко вздыхал и кого-то клеймил.
И, подойдя к Алтынджан осторожно,
Теплым своим одеялом укрыл.

Он пожалел эту женщину, будто
Ей он родным приходился отцом.
Встала Алтын ранним, солнечным утром
Грустная, с бледным, помятым лицом.

Да и у глаз появились морщинки
Видные, может, лишь ранней заре.
Словно катушки на швейной машинке,
Мысли жужжали в её голове.

...Стыдно пойти ей к друзьям, иль к
знакомым.

Мучил Алтын неотступный вопрос:
«Как ее встретит Солпу?» Ну, а дома
Сын её ждал, весь опухший от слез.

Нету отца... Может, пьянствует где-то....
Вздорный, жестокий к семье человек!

Что же Алтын он сживает со света?!
Счастье, что есть хоть сынок Медербек!

Сколько же времени дома он не был?
Пищу Алтын попыталась найти,
Но, кроме корки засохшего хлеба,
Пусто в шкафу, хоть шаром покати.

Надо б дойти Алтынджан до базара,
Хоть он и близко, но нет,— не смогла...
Чаю налив себе из самовара,
Выпила, и на кровать прилегла.

Видно, обида её подкосила...
...А среди ночи, ворчливый и злой,
В двери ударив ногой, что есть силы,
Пьяный Солпу заявился домой.

— Этого только ещё не хватало!
Ты здесь никто — ни жена, и ни мать!
И, расстелив на полу одеяло,
Не раздеваясь, улегся он спать.

...Месяцы шли, ничего не меняя.
Часто, бывало, в течение дня
Думалось ей: «Буду я как немая,
Лишь бы он только не трогал меня!»

Как-то случилось, во время работы
То ли от слабости, то ль от тоски,
Стала Алтын обливаться вся потом,
Кашель душил и ломило виски.

Стало лицо её смуглое бледным,
Руки ослабли совсем, как на грех.
В час этот Люба вошла незаметно
Быстрой, бесшумной походкою в цех.

— Слушай Алтын, что творится с тобою?
Честно признайся мне, ты что, больна?
Или несчастье случилось какое?—
Тихо, с участием спросила она.

— Нет, все в порядке,—Алтын отвечала,—
И неприятностей, право же, нет!
Видно, я просто немного устала.
Люба на это смолчала в ответ.

Но с недоверием к сказанной фразе
Люба, встревожась, решила пойти
Тут же к врачу поликлиники сразу,
Чтоб разузнать о здоровье швеи.

Там рассказали пришедшей, в чем дело:
Жар от простуды. И сильный бронхит,
Хоть врач домой и уйти ей велела,
Все ж на работе больная сидит.

И никому ни единого слова,
И бюллетень где-то спрятала свой.
Сутки сидеть за машинкой готова,
Лишь не идти после смены домой.

Люба смекнула: «Хоть внешне не видно,
Все же какая-то тайная боль,
Горе ль какое, или, может, обида
Душу Алтын разъедает, как моль».

Снова вошла она в цех, и с заботой
Строго сказала:— Возьми бюллетень!
Поздоровеешь,—тогда и работай,
Дома побудь ты, чудачка, хоть день!

И, прекратив разговор с ней нарочно,
Вызвала тут же машину свою,
Словно по делу ей надобно срочно,
И усадила с собою швею.

Люба запомнила все по дороге:
Улицу спутницы, и ее дом.
Ну, а в то время Солпу хромоногий
Брел, не заметивши женщин, двором.

XIV

В сильном ознобе, и с болями в теле,
В дни, когда в доме немилем Алтын
Слабая очень, лежала в постели,
Не отходил от Алтын ее сын.

«Мамочка, мама»,— твердил он чуть
слышно,

И ни на миг, никуда от больной.
Силы вливал в неё милый сынишка,
Хоть и подчас утомлял суетней.

Издавна, с высохшей ручкой, висела
В доме камча. Эту «ценность» храня,
Хромой Солпу вспоминал то и дело,
Как погонял он в аиле коня.

Так же ружье и сапог его пара
Гордостью были Солпу. И порой
Хвастался тем, что в секунду архара
Может прикончить он пулей одной.

Случая, правда, такого не помнят.
Так же не помнят того, чтобы он
В скачках участвовал или в погонях,
Или кто был им в борьбе побежден.

Просит камчу Медербек и со стула
Тянет ладоши ручонок своих.
Снявши камчу, мать его упрекнула:
— Что тебе мало игрушек других?

Любо смотреть ей, как мальчик смеется,
Очень доволен он новой игрой:
Стул оседлав, как джигит иноходца,
Бьёт он его, понукая, камчой.

И настроенье у матери стало
Радостней. А полегчало едва,
Косы свои расчесала и встала,
Хоть и кружилась еще голова.

Дома работы достаточно было:
Вот подмела она тщательно пол,
Дров принесла и плиту затопила,
Мясо варить положила в котел.

Слышит: шаги хромоногого мужа
Пересекают нетвердо их двор.
Только ввалился он в дом неуклюже,
Тут же уставил на стену свой взор:

Смотрит, глазам своим, видно, не веря:
Старой камчи его нет на стене!
Рассвирепевши, он ринулся зверем
К бледной, дрожащей от страха, жене.

— Кто взял камчу?— закричал он зловеще,
— Сыну дала... — прошептала она.
— Разве игрушка отцовские вещи?
Ты же следить за мальчишкой должна.

Чем ты, скажи мне, весь день
занималась?
Ужин хотя б приготовлен тобой?
Может, спина у тебя зачесалась,
Что ж, почесать её можно камчой!

Черная сука! Расправлюсь с тобою,
Ты свое место теперь будешь знать!—
И, замахнувшись своею камчою,
В бешенстве стал Алтынджан он хлестать.

Сын потрясен этой сценою дикой,
Бросил от страха игрушки на пол.
— Мамочка, мама!— кричал он до хрипа,
Крепко Алтын ухватив за подол.

Ради сынка она долго молчала,
Воли своим не давая слезам.
Только Алтын «перестань» простонала,
Тут же хлестнул её муж по глазам.

Словно в груди бы не сердце, а камень,
Зло продолжал ее бедную бить.
А Алтынджан, заслоняясь руками,
Тщетно пыталась камчу ухватить.

Голос внезапно за дверью раздался,
Кто-то вошел к ним без стука. И вдруг
Вырвать камчу у Солпу попытался,
Но он не выпустил плети из рук.

В злобе своей он не сразу заметил
Женщину рослую, с белым лицом.
Чуя, что быть за побой в ответе,
Замер пред ней, хоть и был «храбрецом».

— Ну-ка, еще раз хлестни! Или стыдно?
Или пугаешься, может, меня?
Что ж, продолжай свое дело! Ты, видно,
В дом свой загнавши, стегаешь коня!

Слышала я, что в киргизском народе
Хлещут камчою ленивых коней.
Разве ремень этот высохший годен
Для разговора с женою твоей?!

Горько мне женщину видеть забитой,
Я за себя постоять уж могла б!—
И процедила сквозь зубы сердито:
— Тоже еще,— современный манап!

Буду отныне я требовать, слышишь,
Чтоб пред судом ты за это предстал.
То-то я вижу Алтын еле дышит,
Ты это, видно, её доконал!

Взгляд свой трусливый от женщины пряча,
Скрыть перед нею не в силах испуг,
Хромой Солпу из собаки кусачей
Зайцем трясущимся сделался вдруг.

Думал о ней он: «Нахальная очень!
Ишь, раскричалась, как в доме своем!
Баба такая, уж если захочет,
Съест непременно любого живьем!

Будет стоять на своем непреклонно...
Надо ж ей было явиться сюда!
Если же в пасть попаду я закона
Не избежать мне, и вправду, суда!»

«Кто она, что б наводить здесь порядки?»
Стал от волненья он бледен, как смерть.
Сразу, наверно, душа его — в пятки!
Трусу не долго пред сильным сробеть!

Смотрит Алтын с удивленьем на мужа:
«Жалок уж очень, испуганный вид!
Совестно ей за него... и к тому же
Трус он! А вроде был смелый джигит...»

Тихо. Все словно бы окаменели,
Замерли звуки людских голосов.
Чудится, стрелки ползут еле-еле
По циферблату висящих часов.

Любе, конечно, теперь уже ясно,
Кто сеет зло и несчастье в семье.
Быть здесь Алтын тяжело и опасно,
Надо помочь непременно швее!

«Старого времени черные тучи,
Будь они прокляты тысячу раз!
Да, пережитки, как видно, живучи,
Если они и сейчас среди нас.»—

Думала Люба... А тот безучастно
Ждал, не рискуя поднять своих глаз.
Если б сказала «умри» — он скончался б,
Или воскресни — воскреснул тотчас.

Словно увидев скалу на дороге,
Думал Солпу: «Как же дальше мне быть?»
Прежде навряд ли смолчал хромоногий,
Если б кто вздумал его проучить.

Много еще у директорши дела,
Поздно. На фабрику ехать должна.
Да голова, ко всему, заболела.
Тяжко вздохнувши, сказала она:

— В доме у вас мне невесело было...
Вот что сказать, уходя, я хочу:
Чтобы камча по спине не ходила,
Я забираю с собою камчу.

Мальчика ж в сад наш устрою
фабричный,
Чтобы о нем не тревожилась мать.
Так ты довольна? Ну вот и отлично.
Завтра ж мне надо в Москву уезжать!

Буду на курсах специальных учиться.
Что же, отлично! Учеба по мне.
И повидаю, к тому же, столицу,
Так, что считай,— повезло мне вдвойне!

Ты, я надеюсь, Алтын, не в обиде,
Что раскричалась я здесь сгоряча.
Но ведь зато никогда не увидит
Вашего дома вот эта камча!

Люба шагнула к дверям. В ту ж минуту,
Вслед уходящей, Солпу — за порог
С прытью козлиной подался, как будто
Та его с силой тащила за рог.

Хоть он себя и считал неповинным,
Мнилось Солпу, что и дня не пройдет,
Грозная сила огромной лавиной
Хлынув, его, как былинку, сметёт!

Сердце сжималось его и горело,
С дрожью он думал: «Кончается жизнь!»
Чудилось — саван зовёт его белый:
«Слышишь, Солпу, час пришел твой,
ложись!»

А Алтынджан хоть слаба была очень,
Хоть и сердита была на Солпу,
Встанет чуть свет и по дому хлопочет,
Моет полы и готовит еду.

Он же сидит молчаливо и тупо.
Есть он не может. От страха хоть плачь!
Мнится — камча, унесенная Любой,
Чёрною казнью грозит, как палач.

Даже с женой говорить он не смеет,
Чудится часто ему, что в ночи
Всюду ползут ядовитые змеи —
Каждая в образе той же камчи.

Так он все ночи метался в тревоге,
Тщетно пытаясь свой страх отогнать.

Ныне, чуть свет, вдруг исчез хромоногий,
Хоть не привык он так рано вставать.

Ну, а больную оставили силы:
Ночь пролежала в жару и без сна.
Горе совсем Алтынджан подкосило
Так и осталась в постели она.

...В тихий тот час, когда снова к закату
Солнце по небу свершало свой путь,
Двери Солпу приоткрыл виновато,
Где-то успел он, как видно, глотнуть.

Выпил сегодня он, видно, не слишком,
Если принес вдруг игрушку — коня;
Крикнул, увидя подарок, сынишка:
— Вот, что мой папа купил для меня!

А Алтынджан на постели сидела
С туго завязанною головой.
Тут же Солпу подошел к ней несмело,
Думая, как помириться с женой.

— Что ты, нахмурилась, глаза опустила?
— Ты ведь страшнее, Солпу, чем змея,
Мрачный твой вид, как живому — могила,
Вот отчего так нахмурилась я.

Острый мне нож — жить под этим вот
кровом,
Ты не подумал, как трудно с тобой?
Руки твои, словно залиты кровью,
Как бы не стал наш сынок сиротой...

Да умереть и не страшно, наверно,
Но мой сынок мне дороже всего.
Хоть тяжело, но скажу откровенно —
Хочется жить мне лишь ради него!

Смолкла Алтын в ожиданье ответа.
(Сколько побоев стерпела она!)
Крепко задумался, слушая это,
Муж её, ставший бледней полотна.

Он произнес после тяжких раздумий:
— Вот, что сказать, Алтынджан, я хочу,
Если желаешь, чтоб муж твой не умер,
Ты отбери у той русской камчу!

И у Солпу от стыда и волненья
Сделался жалким, беспомощным вид.
Вдруг опустившись пред ней на колени,
Он, как ребенок, заплакал навзрыд.

— Ты для меня всех на свете роднее,
Я, Алтынджан, тебя очень ценю!
Ты ведь хозяйка под крышей моею,
Сын наш фамилию носит мою.

Дальше Солпу говорить был не в силах.
Робко поднялся с коленей, и ждёт.
Высказать всё ему сил не хватило,
Что ж, остальное сама, мол, поймет!

Слов-то на ветер Алтын не бросала,
Если, что скажет, то раз навсегда!
Мужа в совместной их жизни пугала
Тихой жены его эта черта.

Фабрика стала родным её кровом,
Там к ней — с почтеньем, и с теплотой...
Верит, видать, её каждому слову
Люба — директорша фабрики той.

Без опасений тревожных, без дрожи
Думать об этом никак он не мог.
Но на Алтын он надеялся всё же:
Может, удержит её здесь сынок!

Взгляд его, ждущий тревожно ответа,
Тысячу раз ей «Прости!» говорил.
Но Алтынджан, хоть и чувствуя это,
Непонимающий делала вид.

Думал Солпу: «Я уже седовласый,
Мне ли ходить по судам! Ко всему:
Если придаст она ссоре огласку,
Может, и впрямь ужогу я в тюрьму!»

Смотрит Алтын на дрожащего мужа,
Думая: «Это ведь жизни закон —
Быть в коллективе, в труде... Почему же
Сразу не понял вот этого он?

Всё по-хорошему быть ведь могло бы,
Совесть же есть, хоть какая-то в нем.»
Так Алтынджан рассуждала без злобы,
Жизнь вспоминая Солпу — день за днем.

Правда, хлебнула немало с ним горя,
Хоть за Солпу есть большая вина,
Если всё взвесить, глядеть если в корень,
С ним расставаться она не должна.

Ведь не преступник же он, в самом деле!
Чтобы уверенность в мужа вселить,
Чтобы достигнуть желаемой цели,
Стала спокойно она говорить:

— Слушай, хоть старше меня ты годами,
Мы не враги же с тобой наконец!
Чтоб не случилось, Солпу, между нами,
Ты ведь родной Медербеку отец.

Тут приумолкла она на мгновенье,
Думая, дальше вести ль разговор?
Ну, а Солпу охватило волненье,
Ожил его потухающий взор.

И, окрыленный, как видно, надеждой,
Он с благодарностью, с чувством вины,
Стал покрывать поцелуями нежно
Руки своей изумленной жены.

Мужу тотчас же простить все готова,
Все ж Алтынджан не спешила пока:
Пусть, мол, поймет до конца все. И снова
Начала речь свою издалека:

— Я поначалу, Солпу, всё терпела,
Ты ж был жесток, постоянно грубя.
Честно признаться, уже я хотела,
Взяв Медербека, уйти от тебя.

Но если я и нашла бы другого,
Может, и с ним бы хлебнула беды.
Может, и он, не сдержав свое слово,
Был бы жестоким и грубым, как ты.

И упрекал бы: мужей, мол, меняла!
И Медербеку он был бы чужим...
Снова меня бы тоска обуяла,
Если бы жизнь я связала с таким!

Сильным казался ты мне человеком,
Думала друга, опору найти...
...Стал тут Солпу целовать Медербека,
Крепко его прижимая к груди.

XV

Солнечный полдень над горной вершиной.
Люди устали. Обедать пора.
Но Алтынджан все сидит за машинкой,
Строгая, не разгибаясь с утра.

В цехе судачат:— Она, как немая!
— Занята слишком прилежно шитьем!
— Вечно работает, как заводная!
— Строчит машинка сама за неё!

Мастер довольна: все четко, по плану.
Просто талант быть швеёю ей дан!
Голос машинки её неустанной —
Это ведь голос самой Алтынджан!

Все до минуты рассчитано, с толком,
Шить так искусно ведь надо уметь!
Ходит, сверкая, по ткани иголка,
Швы аккуратные, любо смотреть!

Знаю, застыли б и вы в удивленьи
Здесь, где машинки стрекочущий звук.
И поклонились, наверно, с почтеньем
Неутомимой проворности рук.

Чуть только ткань Алтынджан наша тронет,
Только направит, как надо, иглу,
Мнится — рукав, за мгновение, в пройму
Сам вдруг вшивается по волшебству.

Но и машинке, как видно, не веря,
Ревностно, делом любимым горя,
Швы все с придиркой осмотрит, проверит
Тысячу раз молодая швея.

Вот она, выполнив норму дневную
И поспешив все пошитое сдать,
Села тотчас за машинку другую,
С тем, чтобы петли учиться метать.

Мало ей, видно, того, что умела
Платье пошить. Но ведь это не все!
Петли обметывать — тонкое дело,
Ну а без них-то шитье — не шитье!

Да и различные петли бывают:
Часто на фабрике для красоты
Маленьким кружевцем их обшивают,
После же пуговиц ставят ряды.

В этой работе не только терпенье,
То, что обычно бывает у швей,
Надо иметь еще острое зренье,
Видеть все, как на ладони своей.

Сосредоточив свое все вниманье
Здесь — на застёжке одежды, — швея
Вымерила меж петель расстоянье
Так, чтоб бортов совпадали края.

Действует ловко руками, стараясь,
Чтоб ей и в этом умелою быть.
Вьётся, с катушечной нитью сливаясь,
Мыслей её бесконечная нить...

Шьёт с увлечением, с такою охотой,
Словно бы сына взялась обшивать.
Шьёт так прилежно, как будто работой,
Стоя над нею, любитесь мать.

Шьёт, без конца улыбаясь чему-то,
Верно тому, что успешны дела.
Кончила петли, и в ту же минуту
Мастер с улыбкою к ней подошла.

— Очень довольна, Алтын, я тобою!
Любо глядеть на твое мне шитье,
И выполняешь задание вдвое.
Да, мастерство возрастает твое!

Рада, что лучшая ты мастерица,
Рада, что фабрика — дом твой родной.
Словно машинка твоя бы частица,
Справится можешь с работой любой!

Ты оправдала все наши надежды!
Ты бы работала ночью и днём:
Фабрика, шьющая людям одежду,
Центр всей земли в представлении твоём.

Да, по душе тебе эта работа,
Шьёшь ты швеям знаменитым подстать.
Много работницы пролили пота,
Тщетно в шитье тебя силясь догнать!

Есть для тебя от фабкома задание:
Мы прикрепим к тебе двух учениц.
Ты их учи, окружи их вниманьем,
Сделай умелых из них мастериц!

Знаю, Алтын, ты добьёшься удачи,
Лучшей из швей быть — талант тебе дан!
— Справлюсь ли я с этой трудной
задачей?—
Ей возразила, смутясь, Алтынджан.

— Что ты?! Об этом не может быть речи,
Верь мне, пойдут, как по маслу дела!
Справишься! Ты не робей! И за плечи
Катя швею Алтынджан обняла.

— Будь уж, красавица, гордостью нашей!
Это не каждому в цехе дано.
Завтра пришлю Айымгуль и Наташу,
Ну, а сегодня, пойдём-ка в кино.

И Алтынджан улыбнулась:— Я буду
Строгой с девчатами, с первого ж дня!
Как продавец при продаже верблюда,
Так ты, Катюша, хвалила меня!

— Назвать хорошим — хорошее дело
В праве я. Ты справедливою будь;

Если б назвала я черное белым,
Вправе была б ты меня упрекнуть!

Надо спешить, Алтынджан, нам с тобою.
Видишь, на улице стало темно?
Мастер Катюша с киргизкой-швеею
Выйдя, направились вместе в кино.

XVI

Город проснулся, росой умытый,
Солнце, просторы земли с высоты
Грея, плывет незаметно к зениту,
Позолотив все дома и сады.

Встала Алтын на рассвете не даром:
Быстро закончив по дому дела,
Овощи, фрукты и мясо с базара
В дом уж прибранный свой принесла.

...Помня, что Люба ей пообещала
Сына устроить, Алтын в кабинет
К заму стучится. Она замечала,
Был он всегда, как на свадьбу одет.

Внешности странной был этот Байбеков:
С шрамом на лбу, мешковат, косоглаз,
Он нелюдимым прослыл человеком,
Хмуρο работниц встречал каждый раз.

Ныне был он Алтынджан очень нужен.
Двери она приоткрыла слегка,
С места поднялся толстяк неуклюже,
Речь свою начал с ней издалека:

Он намекнул, что окажет услугу,
Лестью стараясь ее подкупить,
Мол, сговоримся, уважим друг друга,
Чуткими, добрыми надо, мол, быть!

Как-то неловко от слов его стало,
Но, растерявшись всего лишь на миг,
Заму Алтын, чуть помедлив, сказала:
— Видно, Байбеков, большой вы шутник!

— Я, Алтынджан, восхищаюсь тобою
Честь и достоинства зная твои.
Ты не подумай, Алтын, что с любовью
Я разговоры веду о любви.

Будь ко мне ласкова! Ну, а короче:
Слышишь, отбрось колебания и страх!
Деньги, почет, все что только захочешь,
Все это вмиг в твоих будет руках!

И Алтынджан под Байбекова взглядом
Замерла, наглостью оскорблена.
В сердце кольнула на Любу досада:
«Как же ему доверяет она?!»

И не подав рассудительно вида,
Как оскорбления ей больно сносить,
Тихо Алтын, пересилив обиду,
Стала ему о своем говорить:

— Ну, а когда же вернется к нам Люба?
Долго ль придется директоршу ждать?
Толстый Байбеков ответил ей грубо:
— Значит не хочешь меня признавать?!

— Что ты гуляешь? Тебе непременно
Будет сегодня же выговор дан!
— Мне на работу в вечернюю смену,—
Строго сказала ему Алтынджан.

— Дайте мне место для сына в детсаде!
Зам на нее обозлился в ответ.
Буркнул с досадою, в сторону глядя,
— Уж не взыщи, чего нет, того нет!

— Что же мне делать? Ведь ждать нету
мочи!
Трудно с ребенком: работа, семья...
— Нет и не будет! Поскольку не хочешь
Ты уважать ни других, ни себя.

— Вы объясните, кто эти «другие»,
Что за намеки, никак не пойму.
— Знаешь ли, тонкие вещи такие
Глупому, видимо, не по уму!

— Может, и так! Но куда же я дену
Сына? Не брошу ж его одного!
— Слушай, аям*, ну какое мне дело?
Что ты для цеха рожала его?

Что ты ко мне с детским садом
пристала —
Грубо спросил он, прищуря свой взор,
И отклонился на стуле устало
С видом: мол, кончен с тобой разговор!

* Аям — невестка.

— Я же работаю денно и ночью!
Что ж, я с собой брать ребенка должна?
— Ну, без истерики! Слушать мне тошно,
Ты ведь швея здесь у нас не одна!

Но Алтынджан возразила с досадой:
— Мне ж обещала директор помочь!
— Мест не прибавила Люба в детсаде.
Нету! И голову мне не морочь!

— Хватит, Байбеков! Скажите мне только,
Скоро ли Люба вернется домой?
— Думаешь, глупая ты, тараторка,
Будет она целоваться с тобой!?

— Глупая? Что ж я сказала такого?
Повода, право, для брани тут нет!
— Что ж, мне подыскивать каждое
слово?—
Грубо ей рявкнул Байбеков в ответ.

— Со стариком хромоногим связалась!
Тоже, подумашь, мастер — швея!
Дерзкая баба, как видно, зазналась,
Раз на меня ты шипишь, как змея?!

— Разве твое это дело, Байбеков,
Стар или молод мой муж?! Не грубя,
Я обратилась к тебе — человеком
Видно, напрасно считая тебя!

Я не твое попросила, ведь верно?
Что ж, как манап, ты спесив и суров?
Видно затем, что тебя я отвергла,
Стужей повеяло от твоих слов!

Он же, слова подбирая похлеще,
Крикнул:— Ума не хватает у баб!
Что на меня ты, дуреха, клеветешь,
Что ты болтаешь, какой я манап!?

Вознишься, глупая, со стариками,
Мелешь какую-то здесь ерунду,
Будь осторожней, такими словами
Можешь навлечь на себя же беду.

— Будто своей откровенною речью
Я наступила тебе на мозоль!
Волк ты, взбесившийся, в шкуре овечьей,
Дурь в тебе байская будет доколь?!

Он взбеленился:—Ну, это уж слишком,—
Крикнул, войдя в пререканиях в раж:
— Что ты, портняжка, в делах этих
 смыслеешь?

Неуч, невежда, а лезешь туда ж!

Бестолочь, что ты докажешь мне
криком?

Не изощрайся, не стоит труда!
Время идет, но по старым арыкам
Так же течет, как и прежде, вода!

Байская сила копилась веками!
Знай, что Манас и Талас — это мы!
Были в аилах мы хозяевами,
Ныне же править народом должны!

«Явно не наш он,— болтун этот грубый,
Есть же такая порода людей!

Как он, нахальный, в отличие от Любы,
Мелок душонкою черной своей!»

— Слушать слова твои нет больше силы,
Как ты решился нести этот бред?
Может, ты вылез сейчас из могилы?
Прочь убирайся, тебе мой совет!

Кто бы подумал — за важной осанкой
Прячется с ловкостью хамелеон!
Видно, ты шапку надев наизнанку,
Стал дожидаться здесь «лучших времен»!

Если бы только мне было известно,
Кто ты, не стала бы с просьбой идти!
Лучше на землях Туура-Белеса
Денно и ночью овец уж пасти!

Так, не щадя его, речью суровой
Гневно отхлестывала Алтынджан,
Что возразить вдруг не смог он ни слова,
Будто внезапно был пойман в капкан.

Но погода, закричал истерично:
— Слышишь, я к бабам таким нетерпим!
Только попробуй явиться вторично,
Хлопну дверьми перед носом твоим!

...Друг мой, читатель, длинноту минуя,
Эту страницу мы перевернем.
Если Байбеков вас интересует,
Пусть вам другие расскажут о нем.

С курсов вернулась директорша Люба,
Как-то в один из незанятых дней,
Честно Алтын рассказала, как грубо
Зам обошелся негаданно с ней.

Люба расстроилась:— С ним-то не просто!
Он ещё силу покажет свою.
Станет он мести отыскивать способ!
Как бы твою не разладил семью.

«Волк он, прикрывшийся шкурой овечьей,
Вот уж где грязь поднялась вдруг со дна!
Выдали гада змеиные речи!»—
Думала Люба, оставшись одна.

И, с Алтынджан повстречавшись однажды,
Люба сказала ей:— Ну, наконец,
Воздух стал чище на фабрике нашей:
К счастью, уволен Байбеков — подлец!

XVII

Не разглядеть и с трубою подозрной
За горизонт уходящих годов...
В галстукe красном сынишка проворный
В школу спешит под призывы гудков.

Хромый Солпу весь в заботах о сыне,
В доме старается чем-то помочь.
Рад, что в семье у них ладно.

А ныне

К счастью, жена родила ему дочь.

А Алтынджан? Та с усердьем привычным,
Твёрдо добиться решив своего,
Кончила курсы она на «отлично»,
С тем, чтоб повысить своё мастерство.

Шла о ней, скромнице, добрая слава.
Числясь заслуженно в передовых,
В цехе своём обрела она право,
Став бригадиром, учить молодых.

Видя в ней чуткую, добрую душу,
Попросту звали её «Эджике»*
Или ласкательно звали «Анюша»,
Те имена подходили швее.

* * *

Люба стучащим машинкам внимая,
Зорко следит за работою всех.
Много хлопот ей всегда доставляет
Самый отсталый — двенадцатый цех.

Видимо, званье швеи не прельстило
Некоторых из девчат молодых.
Ну, а иные — из дальних айлов,
Руки еще не послушны у них!

Есть и такие здесь, кто за работу
Эту взялись, не попав в институт.
Многие же с холодком, без охоты,
Без удовольствия всякого шьют.

*Эджике — сестричка.

Им безразличны бригад неудачи
И достижения передовых.
Как отстающие кони на скачках,
Их агрегаты в стенах цеховых.

Их равнодушие и неуменье,
Их нежеланье прилежными быть
Были для Любы большим огорченьем:
Так ведь недолго и план завалить!

Не выполняют дневного задания,
Качество тоже у них не ахти...
Кто бы сумел пробудить в них сознание,
Как бы к сердцам их тропинку найти?

Их воспитать никогда ведь не поздно,
Дать этим девушкам нужный урок.—
Вынуть из пятки распухшей занозу,
Кто бы из лучших на фабрике смог?

Думая часто с тревогой об этом,
Верила Люба, что выход найдет.
Что уж не так это все беспросветно,
Коль постараться — так тронется лед!

Надо решение принять непременно
С тем, чтобы не был в работе прорыв!
Вскорости, по окончании смены,
Люба собрала фабричный актив.

Надобно вместе с людьми разобраться,
Взглядом окинув внимательным всех,
Им доложила директорша вкратце
Про отстающий двенадцатый цех.

Им о своей рассказала тревоге:
— Цех на плохом, постоянно, счету!
Он в табуне словно конь хромоногий,
Кто же излечит его хромоту?

Цех отстающий ведь хуже хворобы,
Стал он на фабрике черным пятном.
Кто бы коня хромоногого мог бы,
Вылечив, сделать лихим скакуном?

Нужен один человек здесь, не более,
Кандидатуру назвала б я вам,
Но я хочу, чтоб по собственной воле
Кто-нибудь взялся за это бы сам.

В цехе том много людей из аилов,
Есть среди них, кто работать не прочь.
Кто же имеет желанье и силы
Фабрике в трудном вопросе помочь?

И мастерица с лицом смугловатым
Бойко на Любу вдруг вскинула взгляд:
— Ну, а какая дается зарплата?
Люба сказала:— Пока шестьдесят!

Гуд удивленья прошелся по залу:
— Это работа всех прочих трудней!
Издавна в среднем швея получала
Самое меньшее—сотню рублей!

Поговорили и тут же умолкли.
Люба вздохнула:— Не справлюсь без вас!
Люди сидели все, как на иголках,
Не поднимая в смущении глаз.

— Я же собрала здесь лучших из
лучших,—
Люба в упор поглядела на всех,
— Кто же возьмет на буксир отстающих,
Кто же подтянет двенадцатый цех?

Дело идет в нем, как видите, туго,
Цеху нужна боевая рука!
Стали поглядывать все друг на друга,
Очень зарплата уж невелика!

Вдруг Алтынджан поднялась:— Я б хотела
Взяться за цех тот. Но нужен мне срок.
Цех тормозит наше общее дело,
Он — словно в горле застрявший кусок!

Все изумились: по собственной воле
Снизить решила зарплату свою!
— Глупая! Выскачка! Спятила что ли?
В жертву приносит свою же семью!

— Хочет нас этим унижить нарочно!
— Взвоят она, не пройдет и двух дней!
Люба подумала: «Справится. Точно.
Правду Салый говорила о ней!

Цех ей тяжелый доверить не страшно».
И Алтынджан тут сказала:— Вы мне
Дайте, прошу, Айымгуль и Наташу,
Вместе мы справимся с цехом вполне!

Посоветовавшись со всеми немного,
Люба сказала:— Ну что же возьми!
Да, ты, пожалуй, права, что подмогой
Будут тебе ученицы твои.

Нам отказать тебе, нету причины,
Надо ж заполнить в работе пробел.
И улыбнулась: — А ты, молодчина!
Сразу вошла в положение дел!

Так Алтынджан перешла на работу
В цех, где плохой дисциплина была.
Действовать надо! Ведь должен же кто-то
Слабым помочь и наладить дела.

Только за труд принялась хлопотливый,
Как за спиною — ухмылки, смешки,
Мало ль найдется завистниц ревнивых,
Тех, что привыкли чесать языки!

— Нет, вы подумайте, это уж слишком!—
Так меж собой говорили о ней,
— Вот уж зазналась Алтын — хвастунишка,
Жмет, потеряв полтораста рублей.

— Видно, почет ей на фабрике нужен,
Метит в начальство, как видно, она!
— Не позавидуешь бедному мужу —
Сразу от рук отобьется жена!

— Да, уж наверное, муж с неё спросит,
Этим она ведь подводит семью!
...Мелют. Пусть ветер подальше относит
Глупых завистников тех болтовню.

Скрыла нарочно Алтын все от мужа:
Как, мол, не трудно мне, — справлюсь сама.

Может, Солпу раскричится к тому же:
Скажет, мол, спятила что ли с ума!

Чтобы во всем быть хорошим примером
Девушкам взбалмошным, с первых же дней
Стала Алтын появляться здесь первой,
Чтоб опоздавших подстегивать швей.

И мастерицы, с усердьем — все трое —
За день, в работе себя не щадя,
В цехе учили неопытных крою,
Всем им давали уроки шитья.

Если же кто приходил с опозданием,
Им Алтынджан говорила при всех:
— Вы не успеете сделать задание,
И подведете себя и весь цех!

Кто нарушителем станет порядка,
Кто подрывать наши будет дела,
Предупреждаю — придется не сладко
Каждой из вас, кто б она ни была.

Многие в цехе на это сердились:
— Слишком жестока, как что, так гроза!
Ну, а иные пред нею винулись,
Пряча, краснея в смущенье, глаза.

Чтобы примером им быть неизменным,
Рано садилась Алтын за шитье,
Шила усердно, и все постепенно
Стали пример брать здесь, в цехе, с неё.

То оставалась и после работы
С самою слабой один на один,
И объясняла подробно, с охотой
Правила кройки, устройство машин.

Силилась вникнуть в характеры тонко,
С каждой была и строга, и добра.
Те, кто постарше — её звали «сестренка»,
Кто помоложе — те звали «сестра».

Но Алтынджан постоянно тревожа,
В цехе среди отстающих бригад,
Было по нраву строптивому схожих,
Четверо самых ленивых девчат.

С рыжею челкой Кулюй-хохотушка,
Ну, а Калый — та кругла, как луна.
Пышет румянцем Акиш — их подружка,
Дылда Тукуш — и худа, и бледна.

Двери их комнат находятся рядом,
Любят поспать эти четверо всласть.
Вместе идут на работу отрядом,
С хохотом, за руки крепко держась.

С виду тихоня — Акиш, а на деле
Средь четырех верховодит она.
Водит гулять их семь раз на неделе,
Учит подруг не гнушаться вина.

Старшим дерзить, выходить поздно в город,
В парке слоняться, затихшем давно.
Как-то под вечер, в весеннюю пору,
Дружно собрались подружки в кино.

Было для них это дело привычным.
Но «повезло» четверым в этот раз:
К радости девушек — фильм заграничный
Яркими кадрами радует глаз.

Вот на экране нарядная львица,
Густо запудривши сетку морщин,
Бровью играет и щурит ресницы,
В дом зазывая прохожих мужчин.

Кольцами дым папиросный пускает.
В черных, блестящих перчатках она
Вводит одних, а других выпускает
С каждым бокал поднимает вина.

В танце с партнером целуется жарко,
То улыбается скромно-тиха,
И принимает охотно подарки:
Кольца, колье, дорогие меха.

Вот к ней пожаловал новый поклонник.
Снова любовь и бокалы с вином!
Вот её старый, ревнивый любовник,
Тихо подкравшись, застал их вдвоём.

Только подняв пистолетное дуло,
В юношу целиться стал он в упор,
Сразу того, словно ветром бы сдуло,—
Выскочил полураздетым во двор.

Та ж говорит ему с ласковым взглядом:
— Верь мне, случайный он был человек!
Старый же, стоя с обманщицей рядом,
Грозно взглянув на неё из-под век,

Кляпом заткнул её рот и веревкой
Руки покрепче связал ей.

Потом

Сразу бензином облил всё.

И ловко,

С мрачной улыбкой поджжёт её дом.

Пламя взметнулось. И черною пеной
Выполз из окон клубящийся дым.
Немолодая красотка мгновенно
Вместе с богатством сгорела своим.

Кончились кадры. И музыка стихла.
Вместе, чтоб не потеряться в толпе,
Вышли подружки на улицу тихо,
Тут же Акиш позвала их к себе.

Кстати, сегодня её день рожденья.
Дезушки думают: как же им быть?
Стали друг с другом шептаться в смятенье:
Что же в подарок Акиш им купить?

Хоть у них денег не очень-то густо,
Надо отпраздновать праздник сполна!
Вместе сложились, купили закуски,
Ну и к закускам, конечно, вина.

В комнате затхлой, в чаду керогаза,
Стол был в секунду заставлен едой.
Все развернули покупки и сразу
Весело начали праздновать той.

Дышит с трудом керогаз, словно в гору
Тащит поклажу тяжёлую вол.
Стряпать решила Акиш:— Я вам скоро
Ужин горячий поставлю на стол!

— Ну, а пока будет мясо готово,—
Голосом пьяным сказала она,
— Выпьем, подружки, по рюмочке снова,
К счастью, закуплено вдоволь вина!

Хмель этих швей четырех, неразумных,
Свалит со стульев того и гляди,
Сердце от множества выпитых рюмок
Сильно стучало у каждой в груди.

Хоть побледнели уже и ослабли,
Пить продолжали они всё равно.
И рассуждали: «Все ж скверную бабу
Нам показали сегодня в кино!»

Осоловело моргая глазами,
Головы немощно свесив свои,
Сразу, не кончивши петь об Ак-Сае*,
Вдруг загорланили «Песнь о любви».

Вскоре от пьянки им сделалось тошно,
И, доплетясь до кровати едва,
Рухнули все. И понять невозможно:
Ноги где чьи и где чья голова...

Сны всей четверке сумбурные снились.
Встать не могли, хоть хотелось им пить.

* Ак-Сай — белая река.

Двое — в углу, на полу очутились,
Стало их, сонных, с похмелья знобить.

Да и лежащих в кровати знобило:
Только лишь солнце сквозь раннюю тишь
Светом веселым жилье озарило,
Первой, придя в себя, встала Акиш.

— Эй, поднимайтесь! — Но смотрят подруги
Так, словно застит глаза им туман.
И вдруг, очнувшись, вскричали в испуге:
— Не миновать, загрызет Алтынджан!

Эта киргизка — любимица Любы
Может заявит на нас и в фабком!
Заговорим ей все четверо зубы,
Как-нибудь вылезем! Ну, а потом...

Зябко пахохлившись, словно бы птицы,
Сели подруги, ссутулившись в ряд.
Бледные, сильно опухшие лица.
Мутный у каждой из девушек взгляд.

Головы ломит, терпеть нету мочи!
Будто стучат молоточки в висках.
Пили-то вдоволь, а ели не очень,
Страшная слабость в ногах и руках.

Выпив по чашке горячего чая,
Благо в кулечке конфеты нашлись.
Головы хоть и болели отчаянно,
Встав, на работу с трудом поплелись.

А в отстающем двенадцатом цехе
Каждый уже за машинкой своей.
Здесь, что ни час, что ни день, то успехи
У молодых, подтянувшихся швей.

И под машинок ритмичные стуки,
Глядя на занятых тружениц, тут
Из репродукторов нежные звуки
Песен лиричных, как волны, плывут.

Девушки — в цех по одной, с неохотой
Входят. Сказала Акиш со слезой:
— Мама должна была быть самолетом,
Ночь я ждала, и вернулась домой.—

И продолжала с потупленным взором:
— Предупредить вас, Алтын, я должна:
В аэропорт надо ехать мне скоро,
Может, сегодня прибудет она.

Та ей ответила:— Лжешь ты отчаянно!
Где ты шаталась, скажи, до утра?
С мамой твоей мы же односельчане,
С ней я, Акиш, повстречалась вчера!—

И изумилась:— Никак ты с похмелья?
Да, подозрителен бледный твой вид!
— Что вы не верите мне в самом деле!—
Крикнула лгунья, заплакав навзрыд.

— Не по своей я вине опоздала.
— Я ж тебя, дурочка, вижу насквозь.
И Алтынджан, помолчав, продолжала:
— Ну, а с тобою, Тукуш, что стряслось?

Та побледнела вдруг и через силу
Произнесла:— Я больная, как раз
Губы раздуло... Я видно простыла,
Холодно очень уж дома у нас!

Ну, а Кулюй и Қалый с перепугу
Прямо в медпункт и, упав на кровать,
Перемигнулись мгновенно друг с другом:
Сделаем вид, что не в силах мы встать!

Перевязали косынками горла.
Входит Алтын с их подружкой, и вмиг
Стала Акиш покрасней помидора,
Глядя на вид собутыльников своих.

И причитать тут же стала нарочно:
— Дуры! Напились, себя же губя!
Лучше б скончались мы этою ночью,
Чем пред людьми так позорить себя!

Даже подумать сегодня мне жутко,
Как мы решились вчера на питье!
Но Алтынджан, рассердясь не на шутку,
Взглядом суровым прервала её.

— Были ль мужчины, признайтесь мне,
с вами?

Иль вы напились вчера вчетвером?
— Нет, эджике, выпивали мы сами,
Головы режьте нам, если мы врем!

Но Алтынджан перебила их:— Как же
Выпить решились вы столько вина?

Дайте мне адрес родителей ваших,
Я написать им об этом должна!

Те же стоят, словно бы неживые:
— Мы виноваты в поступке таком!
С нами все это случилось впервые,
Больше ни капельки в рот не возьмем!

Мы, не подумав, напились, дурные!
Вот и случилась такая беда...
Если о пьянке узнают родные,
Мы ведь навеки пропали тогда!

И Алтынджан улыбнулась невольно:
Да, испугались. Видать по глазам!
Строго сказала:— Ну, ладно. Довольно.
Верить мне хочется Вашим словам.—

Но если это еще повторится,
То на себя вам придется пенять!
Ты-то всех старше, Акиш, не годится
Глупых подружек питью обучать!

Этот поступок тебя не достоин,
Очень бы мать огорчил он твою...
Что бы сказал твой отец — славный воин —
Храбро и честно погибший в бою.

Помню, как с горечью сдержанной,
кратко
Шла на войну провожать его мать.
И, получив похоронную, водкой
С горя не стала беду заливать.

И молодою оставшись без мужа,
Денно и ночью тоскуя по нем,
Шла терпеливо, жара или стужа,
В поле с лопатою иль с кетменем.

Летом возилась она с киззяками,
Чтобы зимой тебе было теплей.
Всё тебе шила своими руками,
Чем же ты матери платишь своей?

Трудно ведь вырастить дочку без мужа,
Но, к сожалению, дочка не в мать!
Мало, бездельница, ты! И к тому же,
Глупая, стала ещё выпивать!

Честно работать, собрать все усилия,
Стать человеком, пойми же — твой долг!
Ведь твоя мать, в том далеком аиле
Верит, что выйдёт из дочери толк!

Мать, что тебя опекала с любовью,
Если узнает всё, знай наперед —
Плакать начнет не слезами, а кровью,
С горя до срока в могилу сойдет.

Слушая эти упреки с волнением,
В сердце Акиш проклинала питьё,
С ужасом думала: вдруг в преступленье
Мать бы сама уличила её!

Мастер сказала:— Ну ладно, мне нужно
В цех наш, пркуда ещё не обед.
Четверо бледно-зелёных подружек
Долго в смущеньи смотрели ей в след.

А Алтынджан все вздыхала: мученье
С этими глупыми! Как же ей быть?
И, поразмыслив, дала порученье
Самым надежным — с них глаз не сводить

* * *

Взялись за дело те без промедленья.
За город вышли. Невзрачны на взгляд,
Одноэтажных домишек строенья,
Словно курятники, тесно стоят.

— Вот где живут подопечные наши!
Глухо. Вокруг запустенье и тишь.
В двери стучат Айымгуль и Наташа.
— Кто там? Войдите!— сказала Акиш.

Входят и видят: все четверо в сборе.
— Вы, что девчата, собрались в кино?
Холодно. Мы по дороге продрогли,
Может, у вас здесь найдется вино?

— Нет, уж вином вам здесь не угоститься!
Было оно лишь единственный раз.
Располагайтесь, как дома, сестрицы,
Вмиг самовар я поставлю сейчас.

Гости осматривают незаметно
Все, что вокруг: не протерто стекло,
Нет занавесок... Да, в комнате этой
Слишком безрадостно, слишком темно...

Койка стоит с одеялом помятым,
Странно, что полочки с книгами нет.

— Знаете, девушки, в оперном театре
Будет сегодня чудесный концерт!

...В театре, как в горном ущелье, воздух.
Занавес. Бархатных кресел ряды.
В зале, как будто рассветные звезды
Льют свой искрящийся свет с высоты.

Взмыли смычки все. И струны запели
Смело. Согласно. Дыханьем одним.
Мнится — звеня, соловьиные трели
Эхом откликнулись нежным своим.

Светится озеро, как на экране,
Среди высоких, чернеющих скал.
Кружатся девушки. Рукоплесканьем
Вдруг весь наполнился зрительный зал.

Кончен концерт. Полнолунием залита
Улиц зеленых прохладная тишь.
— Мастер на нас до сих пор все сердита?—
У Айымгуль вдруг спросила Акиш.

— Что, ты!—спокойно сказала Наташа,
— Сколько же можно сердитою быть?
Если ошиблись, так это не страшно —
Надо работой вину искупить!

Машет вокруг освежающий ветер
Ветвями кленов и тонких осин...
Вдруг возле театра девчатам навстречу
Люба — директор и с нею Алтын.

Девушки стали смущенно под светом.
Робко кивнули, а сами молчат.
Женщины ж обе с улыбкой приветной
Остановились, увидев девчат.

Люба к Алтын обратилась с улыбкой:
— Странные девушки в цехе у вас:
Выпив, стеснялись, как видно, не шибко,
Выйдя ж из театра, стесняются нас!

Та пошутила:— Ведь было их мало,
Легче поэтому было им пить.
Ныне их, видишь ли, шестеро стало,
Где ж столько рюмок теперь раздобыть?

Да и устали-то, наугощавшись!
Вот и решили теперь отдохнуть!
За руку с девушками попрощавшись,
Люба с Алтын продолжали свой путь.

XVIII

Благодаря Айымгуль и Наташе,
Делавших исподволь дело свое,
Выдали вскорости девушкам нашим
Новое, в центре столицы, жилье.

Чувствуя общее расположение,
Стали они не опаздывать в цех,
Втайне приняв меж собою решение
Здесь удивить прилежанием всех.

...Было однажды — Алтын на рассвете
Только дошла до фабричных дверей,
Видно ее преднамеренно встретив,
Следом Акиш поспешила за ней.

Мастер спросила:—Тебе что, не спится?
Сны ль донимают, скажи не тая!
— Нет, эджике, из желанья учиться,
Ночь всю сидела за книгами я!

Мастер, конечно, словам её рада:
Может, и впрямь поумнела с тех пор?
И не сводя с неё строгого взгляда,
С девушкою повела разговор:

— Для молодежи открыты все двери!
Рада сознательности я твоей!
Можно ли только словам твоим верить,—
И засмеялась:— Язык без костей!

Но возбужденной Акиш не до смеха,
Сразу слезами наполнился взор:
— Как? Неужели у мастера цеха
Нету доверья ко мне до сих пор?

И, оставаясь спокойною с виду,
Хоть все лицо и пылало огнем,
Так отвечала Акиш ей с обидой:
— Буду я стойкой в решении своем!

...Так как с годами сдвигаются с места
Даже и камни теченьем воды,
Если упорен твой труд, то известно
Даст в результате свои он плоды.

Рада Алтын безгранично успеху:
В цехе работа уже без потерь!
Стали изделия этого цеха
Славиться качеством высшим теперь.

В городе каждый купить их стремится,
Хоть на прилавках есть выбор большой.
...Любо смотреть — Айымгуль-мастерица
Делает все аккуратно, с душой!

Ну, а Наташу за ловкость в работе
В цехе «наперстком» зовут «золотым».
Вовремя все на работу приходят,
Да, не пристало опаздывать!

Жизнь этих швей у Алтын пред глазами,
Хоть и успех дался каждой не вдруг,
Многие сдали весною экзамен!
Рада Алтын за фабричных подруг.

Так как с окрепшими крыльями птицы,
Могут уверенней, выше летать,
Многие в цехе решили учиться,
Чтобы от опытных швей не отстать.

Стало их честью и гордостью личной
Сделать успешным, полезным свой труд.
И по любому вопросу обычно
Все к Алтынджан за советом идут.

Вот к ней Наташа подходит по делу,
Блещут искринки смеющихся глаз:
— Новость! Учиться Акиш захотела,
Только таится — стесняется вас!

Девушке все мы сочувствуем этой,
Знаю я точно: Акиш мне не врет,
И подтверждает Тукуш, что до света
С книгой сидит она ночь напролет.

Мастер, подумав, вздохнула: «Могло бы
Так и с другими подружками стать!
Надо Акиш, что идет на учебу,
Характеристику точную дать.»

— Ну-ка, Акиш, подойди на минутку,
Что ты смутилась? Иди побыстрей!
Та подошла, и Алтын ее в шутку
Щелкнула по носу:— Ну, не робей!

Вспыхнув, Акиш ей шепнула:— Я буду
Очень стараться, чтоб все успевать!
Вас я, Алтын, никогда не забуду,
Вы отнеслись к нам, девчонкам, как мать.

XX

Люба не даром киргизку хвалила:
— Золото наше Алтын!— Ко всему
Мастера цеха начальство решило
В командировку отправить в Москву.

Пусть, мол, поедет, увидит столицу!
Чтоб поделиться бы новостью той,
Тут же Алтын, накупивши гостинцев,
Съездить решила к родным в выходной.

Осень, но солнечно в Чуйской долине.
Снег золотится на ближних горах.

В щедром саду, утопающем в сини,
Сочные фрукты висят на ветвях.

В доме родных и уютно, и просто,
Чисто. Вокруг непривычная тишь.
Карамуруну уже девяносто,
— Все еще молод! — смеется Батыш.

— Дочь наша едет в Москву и проститься
К нам заглянула. Ты слышишь или нет?
Вот привезла нам с тобою гостинцев,
Булочек сладких и разных конфет.

Карамурун закивал и заохал:
— Едет в столицу? Одна, без семьи?
Бросит во Фрунзе свой дом? Это плохо...
Ей же ведь надо смотреть за детьми!

Что ты, Алтын, потеряла в столице?
Я-то слышал от приезжих о ней:
Можно в огромной Москве заблудиться!
Как же ты так, не жалеешь детей?

Лучше б у нас погостила в аиле!
— Стар он, — вздохнула мать, — в этом-то суть!
Был бы он молод, как прежде, и в силе,
Дочь бы охотно отправил сам в путь!

И старику: — Ну, не будь ей помехой!
Мы-то с тобой постарели уже...
Но Алтынджан что ж, теперь ей не ехать?
Разве тебе это не по душе?

Кремль пусть увидит своими глазами,
Счастье такое не каждому ведь!
Радуйся лучше за дочку. Мы сами
Можем за внуками тут присмотреть!

И продолжала старуха с волнением:
— Что ты вздыхаешь, никак не пойму!
Пусть она едет! В Москве той—сам Ленин!
Дочка поклонится низко ему.

— Ленин! Ну, как не подумал я сразу?
Ленин! Тогда ты старуха права!
Я, к сожаленью, не видел ни разу
Как она выглядит — наша Москва...

Кто там, в столице, бывал, тот
счастливый.

И, помолчавши в раздумии миг,
Голосом тихим и неторопливым
Стал говорить седовласый старик:

— Слушай, — в тот день, как приедешь
в столицу,

Дочка моя, дорогое дитя,
Ты мавзолею пойдя поклониться,
И поглядишь на родного вождя.

Там, где кремлевские звезды алеют,
В шумной Москве, от аила вдали,
Ты, я прошу тебя, у мавзолея
Горстку возьми той священной земли.

И привези её к нам. Постоянно
Дома ли, в поле, иль где-то в пути,

Будет в мешочке она талисманом
У моих внуков висеть на груди.

— Ленин...—сказал он задумчиво,—Ленин...
Раз вы уж съехались дети у нас,
Вы наберитесь немного терпенья —
Выслушать мой стариковский рассказ.

Все, кто в гостях у родителей были,
Зная, что старец их не говорун,
Тут же умолкли и дружно застыли,
Что же расскажет им Карамурун?

— Как только слышу я Ленина имя,
В памяти, где бы я ни был, всегда,
Сразу встают пред глазами моими
Долгие, прожитой жизни года.

Жили в аиле мы издавна сиром,
Баем придавленные бедняки.
Помню, в то давнее время, капыром*
Звали, бывало, меня земляки.

Но из боязни, и я был послушным...
Вспомнив всю жизнь, всю, как есть—
по годам,
Хочется, дети, открыть свою душу,
Всё рассказать мне не терпится вам.

Помню, любили ещё наши деды
Нам повторять поговорку свою:
«В жизни прожить только день, но лишь
светлый,
Лучше, чем тысячу в темном раю».

* капыр — вероотступник

Старый, больной мой отец, умирая,
Всё говорил нам: «Не надо грустить!
Помните — вечно из светлого рая
Будет душа моя к вам приходить.»

Только надежды все были напрасны:
Кто умирал,— исчезал без следа.
Мать моя, сирот оставив несчастных,
Нам не являлась с небес никогда.

Нищий, иль самый богатый и важный,
Глупый иль умный, с почетом иль без,
Царь или хан, умирали,— но так же
Не подавали нам знака с небес.

Где же тот рай?
Там, где горные дали,
Там, где просторы полей и степей,
Мы никогда и нигде не видали
Тропки, ведущей до райских дверей.

Стану и я, как все смертные, прахом,
Час мой придет — и покину я свет...
Сам Магомет — друг, ближайший аллаха,
Прожил чуть больше шестидесяти лет.

Раз ему выпало в жизни тлетворной
Другом аллаху всевышнему быть,
Должен был триста столетий, как ворон,
Может, и дольше на свете прожить!

Я про себя рассуждал: это странно,
Как же всевышний аллах, не пойму,
Из уваженья к священному сану,
Жизни — ни дня не прибавил ему?

Раньше не только здесь — в нашем аиле,
Спину сгибая под байской пятой,
Все мы — киргизы отсталыми были,
С тяжкой покорно мирились судьбой.

И, помолчав, он добавил со вздохом:
— Дети, по-честному вам говоря,
Прожил три жизни ваш дед, три эпохи,
Горе от баев терпел, от царя...

Хоть и иссякли почти мои силы,
Память тускнеет все день ото дня,
Так ещё хочется жить, что в могилу
Смерть лишь насильно затащит меня.

Видел я многое, милые дети,
Видел богатых в парче золотой,
Видел их царство и смерть, но на свете,
Нет ничего лучше жизни самой!

Если в аиле кто слег, за муллою
Шли мы с набитым дарами мешком,
Если ж мулла заболел порою,
То за врачом посылал он тайком.

Так вот, сомнения — волей-неволей —
Стали все чаще меня посещать:
Если мулла всемогущ, то от хвори
Сам бы умел он себя исцелять!

В сердце закрадывалось подозрение:
Несправедливо устроен ведь свет!
— Дети мои, только он — только Ленин
Дал мне на сотни вопросов ответ!

Он не хлестал нас жестокой камчою,
Грузом тяжелым нам спины не гнул.
Если скакун был оседлан тобою,
Он за поводья назад не тянул.

Сделал он так, чтобы каждый трудиться
Честно на общее благо привык.
Не попрекал нас за смуглые лица,
И за ему непонятный язык.

Он нас избавил от зла и печали,
Звезды зажег нам в чернеющей мгле.
Сделал он так, чтоб навечно причалил
Счастья корабль к нашей бедной земле.

В Чуйской долине не очень-то людной,
Знает меня ведь не весь наш народ,
Но уж зато по Киргизии всюду
Слава большая о дочке идет.

Есть в тебе, видно, дитя мое, сила
Тех моих юных, тех прожитых дней.
Кости ты старые мне обновила,
Горд я заслуженной славой твоей!

Да, Алтынджан, тебя ценят, не так ли?
Кто б из нас раньше взлететь так сумел?
Жизнь твоя, доченька, — светлая капля
Ленинских добрых, решительных дел.

Все вам доступно: поездки и книжки,
Все вы хозяева сами — судьбе.
Хоть я и в грамоте, дети, не слишком,
Многое все ж не прощаю себе!

Я уважал и ценил только близких
И презирал приезжавших в аил
Тех, кто не мог говорить по-киргизски,
Или одет не по-нашему был.

Многое в жизни я понял... но позже!
Ныне ж мне совестно вспомнить о том.
Каждого, кто был на нас не похожим,
В годы те, глупый, считал я врагом!

Ленин великий, сердца наши грея,
Всех побратал нас. И понял народ:
Друг иногда твой далекий добрее
Тех, кто с тобой по соседству живет.

Силы дало нам всеобщее братство,
Горы ворочать способны мы с ним!
Ленин дал в руки нам это богатство,
Мы, словно жизнь — его свято храним!

Давеча шла ты, и я поневоле
Батыш-апу с удивленьем спросил:
— Кто это? — Мать отвечала: «Ты, что ли,
Слеп? Это дочка пришла к нам в аил!»

Шелк на тебе... Говоря откровенно
Зря на меня-то обрушилась мать:
Так ты одета, как в старое время
Хан своих дочек лишь мог одевать.

Если ж кто в шелк одевался в аиле,
Гнал ли коня, среди белого дня
Бай или хан, своей пользуясь силой,
Все отнимал — и наряд, и коня.

Да, мы в аиле хлебнули немало—
Я и твоя постаревшая мать.
Знаю я, дочка, тебе помешала
Злая война образованной стать.

Не мудрена твоя, вроде, работа,
Женщине каждой доступно шитье.
Шьешь на машинке, а столько почета,
Дочка, тебе за старанье твое!

Ну, а моя-то старуха, бывало,
Сидя с зари за шитьем дотемна,
Волость всю нашу сама обшивала,
Хоть и шитью не училась она.

Не было радио... Да и вовеки
Ей не снилась газет похвала.
Где там в Москве! Даже в нашем Пишпеке
Скромная труженица не побывала.

Руки её от иглы уставали...
Да, мастерицей была твоя мать!
Все же иные подчас забывали
Даже спасибо ей, бедной, сказать.

Но уж зато называли умелой,
И у аила была на виду.
Сутки, согнувшись, с иглою сидела,
Чтоб обеспечить семье всей еду.

В детстве твоём, моя дочка, бывало,
Шить заставляла тебя твоя мать.
Только теперь мастерство ваше стало
Всей нашей родине принадлежать!

Ленин повел по пути нас такому,
Чтобы прозревший учился народ,
Так и выходит, что делу большому
Малое дело дорогу даёт!

Речью своей жену он растрогал:
— Дед-то наш древний, а в курсе всего!
Все-то он знает, хоть дальней дорогой
Конь не ступал быстроногий его.

Что говорил он, то было не ново,
Только в устах аксакала-отца
Было значительным каждое слово,
Слушать могли бы его без конца!

Батыш-апа ему: — Ты утомился,
Хоть твоя старость тебя не берет.
Хватит. Ты досыта наговорился
Все уже высказал на год вперед!

Но, поглядев на нее виновато,
Дед продолжал: — Дали прозвище мне
«Карамурун» — потому что когда-то
Съел я шашлык на потеху джене...

Взял он медлительно чакчу с насваем
И, заложивши насвай за щеку,
Всем улыбнулся: «Уютно мне с вами», —
И продолжал, поглядев на Солпу.

— В жизни семейной размолвки и споры,
Дети, меж вами бывали ни раз,
Были, я знаю, и крупные ссоры.
Благо теперь все в порядке у вас!

Вы старика уж послушайте, дети.
Речи моей ведь ещё не конец,
Жить мне не долго осталось на свете,
Я вам обоим — и друг, и отец!

Ладить вам век — вот мое завещанье,
Ссор не вносить и раздоров в семью.
Дайте мне ныне свое обещанье
Выполнить, милые, просьбу мою.

Пусть же не горе, а счастье большое
Ваш навсегда переступит порог,
Чтобы легко, со спокойной душою,
В мир — тот иной — я отправиться мог.

Вам же со светом прощаться не скоро,
Вам по земле ещё долго идти.
Пусть же наш Ленин вам будет опорой
В жизненном, часто нелегком пути.

Слушая речь седовласого тестя,
Кроме добра в ней, почуя укор,
Ерзал Солпу от волненья на месте,
В землю потупив смущенно свой взор.

Было Солпу нестерпимо обидно
От этих искренних слов старика,
Но не подал перед всеми он виду,
Как эта речь для него нелегка.

Думал с досадой: «Ведь старый-то старый,
А проживет ещё жизни он две!
Дед говорит, а сдается — удары
Саблей наносит мне по голове!

Знает о ссорах! И в этом все дело!
Хоть и радушно меня он встречал,
Высказал, что на душе накипело,
Хоть бы уж дальше, «несносный, молчал!»

Понял старик, нелегко человеку:
Красный он, как раскаленная печь.
Дед стал нарочно играть с Медербеком,
Чтобы Солпу от обиды отвлечь.

Он то и дело во время обеда,
Внуков лаская своих, повторял:
— Ну, вы, цыплята, уважили деда,
С вами моложе сегодня я стал!

— Мой жеребенок, — сказал он с тревогой,
Дочь так привыкнув давно называть,
— Видно, глаза мои ныне не могут,
Как ни стараюсь я, слез удержать.

Льются они... Вот ещё незадача!
То ли я долго по вас тосковал,
То ли, вас видя, от радости плачу,
То ли слезливым на старости стал.

Дочка задумалась... жаль старика ей,
Грустно глядеть, как прозрачно-светлы
Крупными каплями слезы стекают
Всё по сединам его бороды.

Он произнес — оо мийн!* — И осталось
Все ж по слезинке в глазах старика.
Дочка, что тоже заплакать боялась,
Расцеловала отца: «Ну, пока!»

Осень. В кремлевских созвездьях столица.
Красная площадь светла от лучей.
Кто б ни приехал в Москву, тот стремится
В первый же день посетить мавзолей.

К Ленину площадью этой пространной,
Тихо, что даже шаги не слышны,
В ряд, извиваясь подобно аркану,
Двигается люд вдоль Кремлевской стены.

Люди здесь с кожей различного цвета.
В сари, с тюрбанами на голове,
Глянешь,— сдается сошлась вся планета
В центре Вселенной всей—в нашей Москве.

Здесь у Кремля, в этом прошлом народа,
Говор любой тебе слышать дано —
Жителей стран тех, где солнце восходит,
Жителей стран, где заходит оно.

Другу — он друг, мавзолей этот мощный,
Недругу — недруг он. Строгий гранит
Думы о будущем денно и ночью
Здесь в величавом молчанье хранит.

Здесь под октябрьскими флагами свято,
В зное столица, в дожде иль в снегу;

* Оо мийн — напутствие перед началом.

Стоя недвижно, два сына — солдата
Нашего Ленина сон стерегут.

Здесь не услышишь ни смеха, ни фразы,
Брошенной в шутку иль злобно. Здесь в ряд
Молча, как бы в ожиданье приказа,
Люди подтянуто, строго стоят.

Вот он Ильич наш родной, наш навеки,
Трудно поверить, что он недвижим.
Чудится — хоть его сомкнуты веки,
Видит он всех, кто проходит пред ним.

Нет у вождя на лице ни морщины,
Нет ни следа от пережитых гроз.
Кланяясь, шапки снимают мужчины,
Женские взоры мутнеют от слез.

Все, кто в столицу прибыл поездами,
Иль самолетами, выстроясь в ряд,
К лику его, прикасаясь глазами,
Сердцем с великим вождем говорят.

Бился с неправдой он мудро и смело,
Чтобы планете счастливою быть.
Все, что завещано ленинским делом,
Будет веками народам светить!

Другом и братом навечно стал Ленин
Тем, кто с винтовкой шагал в Октябре.
И все народы земли в изумленье
Встретили весть об Октябрьской заре.

Ленин...

Вдруг здесь, при приглушенном свете
Дом пред глазами отцовский возник.
— Сердце своё всем народам на свете
Отдал наш вождь,— говорил ей старик.

«Сделал великими наши знамена,
Сделал счастливыми наших людей,
И потому, неизменно, с поклоном,
Столько народу идёт в мавзолей.

Выгнать помог он всех баев и ханов,
Земли вручил нам и гор, и долин...
Жалко, что Ленин скончался так рано»
Думала горько, сквозь слёзы, Алтын.

.

Вот караулу на смену — солдаты.
И Алтынджан вновь припомнился тот
Друг её милый, Досой ненаглядный,
Что из аила уехал на фронт.

Чудится, он под сверкающим флагом
Мудрого Ленина сон стережет.
Словно его здесь за честь и отвагу
Стражем назначил киргизский народ.

Словно бы воинский долг выполняя,
Ночью и днем он стоит у Кремля.
Шепчет Алтын: «Я швея лишь простая!
Разве достойна героя — тебя!?»

Страшно в солдата того ей взглядеться,
«Я твой Досой»,— говорит его вид.

Грудь распрямилась страны-великана,
Грянула жизни иная пора!
Словно клокочущей лавой вулкана
Старая сброшена в пропасть гора.

Ярко луна полуночной порою
Светит ущельям темно-глухим,
Солнце, по утру взойдя, золотое
Мир озаряет весь светом своим.

Чтобы с неправдою, с мраком бороться,
Чтобы свободной земле нашей быть,
Ночью—луной, днем—сверкающим солнцем
Ленин явился, чтоб миру светить.

И засияли счастливые взоры,
Правду увидевших, вольных людей!
Словно по глади прозрачно-озерной
Дружные стаи плывут лебедей.

Пу, а вот те, в чужеземных одеждах,
С разных краев всей огромной земли,
К дружбе стремленье, мечты и надежды
Ныне с собой к нам, в Москву, привезли.

Двигается, движется лента людская,
Каждый на Ленина смотрит светло,
Клятвой священной в душе подтверждая
Веру в великое дело его.

Здесь и Алтын, что поклон из айла
Ленину передала от отца.
Боль она в сердце своем ощутила,
Глаз не сводя с дорогого лица.

Ленин...

Вдруг здесь, при приглушенном свете
Дом пред глазами отцовский возник.
— Сердце своё всем народам на свете
Отдал наш вождь,— говорил ей старик.

«Сделал великими наши знамена,
Сделал счастливыми наших людей,
И потому, неизменно, с поклоном,
Столько народу идёт в мавзолей.

Выгнать помог он всех баев и ханов,
Земли вручил нам и гор, и долин...
Жалко, что Ленин скончался так рано»
Думала горько, сквозь слёзы, Алтын.

.

Вот караулу на смену — солдаты.
И Алтынджан вновь припомнился тот
Друг её милый, Досой ненаглядный,
Что из аила уехал на фронт.

Чудится, он под сверкающим флагом
Мудрого Ленина сон стережет.
Словно его здесь за честь и отвагу
Стражем назначил киргизский народ.

Словно бы воинский долг выполняя,
Ночью и днем он стоит у Кремля.
Шепчет Алтын: «Я швея лишь простая!
Разве достойна героя — тебя!?»

Страшно в солдата того ей взглядеться,
«Я твой Досой»,— говорит его вид.

Тихо Алтын, с замиранием сердца,
На молодого джигита глядит.

«Нет, не Досой!..» И она с сожаленьем
От караульных отходит солдат.
И удаляется от мавзолея,
Не обернувшись ни разу назад.

«Помню тебя я, Досой, всей душою!
Словно в Москве повстречались мы вдруг.
Образ твой, птицей мелькнув предо мною,
Снова исчез, как песчинка из рук.

Думала — рана моя затянулась,
Ныне же снова открылась она...
Чувство бывшее в душе всколыхнулось,
Словно под ветром внезапным — волна».

Даже дышать было ныне ей тяжело!
Долго к гостинице городом шла.
Стало так худо ей вдруг, что бедняжка,
В номер войдя, не поевши легла.

Тяжкие думы ей сердце сжимали,
Как бы хотела забыться она!
Но они так её разволновали,
Что провела она ночь всю без сна.

И на рассвете как только ресницы
Сами сомкнулись, среди тишины
Стали Алтын обессиленной сниться
Неугомонные, страшные сны.

...Будто травую обросшие рослой
Всюду могил безымянных бугры;
В жарком бою, на степи этой грозной
Падают замертво богатыри.

В грязной шинели, пропитанной потом,
Храбро приняв в окружении бой,
Стиснувши зубы, строчит пулеметом
Здесь, от врагов отбиваясь, Досой.

Пули, служившие честно солдату,
Кончились. Тут же тем пулям взамен,
Бросив о землю ручную гранату,
Смерть предпочел он герой, а не плен.

В буре огня, в той грохочущей схватке,
Бился, как тигр, он. В дымящейся мгле,
Снится Алтын, как героя-солдата
Скорбно, с почетом, предали земле.

Свежую эту увидев могилу,
Будто не сон это был, а явь,
Вскрикнула бедная вдруг и без силы
Рухнула, холмик руками обняв.

Запричитала с отчаяньем вдовым:
— Как пережить, что любимого нет!?
Сын бы утешил меня, но на горе
Мертвым родился ребенок на свет...

— Друг мой, партийный билет ты не отдал
Тем, кто нас сжечь собирался дотла,
Пал ты, сражаясь за счастье народа,
Совесьь твоя, мой любимый, чиста!

Долго ей холмик могильный тот снился,
Но оборвалась видения нить...
Сон этот скорбный другим вдруг сменился:
Кто-то ножом стал ей злобно грозить.

Это — Солпу! Но не нож он сурово,
С криком заносит над ней, а камчу.
«Вместо меня полюбила другого!
Знай, я за это тебе отомщу».

К краю оврага пригнал её с криком:
— Стой, а не то вниз,— туда — головой!
Сам же, зверя, с жестокостью дикой,
Всё наносил ей удары камчой.

В землю руками вцепившись от страха,
Выбилась вскоре бедняжка из сил.
Только качнулась она над оврагом,
На руки кто-то её подхватил.

Но промельнуло и это виденье,
Снова картина сменилась другой:
Жалко ссутулясь, Солпу на колени
Молча, раскайвшись, встал пред женой.

— Буду во всем я согласен с тобою,
Только камча пусть висит на стене!
Нет её здесь, ядовитой змеею
В снах она вечно мерещится мне!

...Снова виденье сменилось виденьем,
Словно бы тучи — наплывами туч.
Сразу вздохнула Алтын с облегченьем,
Чуть прикоснулся к ней солнечный луч.

И под лучом этим, кланяясь встречным,
Между прилавков, вливаясь в толпу,
Дочку Гюлай, посадивши на плечи,
Ходит с базарной кошелкой Солпу.

«Хоть и Солпу далеко до Досоя,—
Так Алтынджан рассуждала во сне,—
Детям моим он — отец, и настроен
Быть уважительным, добрым ко мне.»

...Так был теперь он с женой безупречен,
Так говорили в нем совесть и страх,
Словно судьба его вправду навечно
У Алтынджан оказалась в руках.

Благо по нраву Алтын не злоблива,
Мужу простив даже боль свою, с ним
Ровной была она и терпеливой,
Благоразумием славясь своим.

Дух её стойкий и так уже ранен.
Быть нетерпимой она зареклась.
Ведь уж не раз от обид и страданий
Боль выливалась из плачущих глаз.

...Вдруг сон исчез. Размкнулись ресницы.
Солнце веселое в раме окна.
«Что только может подчас не присниться!»—
Думала, лежа в постели она.

XIX

Для Алтынджан путешествие это,
Что совершила она в первый раз,

Было, как будто поездка вокруг света,
Был о Москве её долог рассказ.

Душу ей словно бы сделала зрячей
В алых, в кремлевских созвездьях Москва.
Стали глаза ее видеть иначе,
Стали звучать по-иному слова.

Если ты не был в Москве, где алеют
Звезды, лучась при погоде любой,
Если ты не подходил к мавзолею,
Значит реки не видал ты людской.

В эту Москву, озаренную светом
И окрыленную вихрем знамен,
Люди со всей приезжают планеты,
Ленину низкий отдать свой поклон.

Старый отец, как ей ехать в столицу,
Дочке наказывал строго своей,
Чтоб привезла она горстку землицы
Той, на которой стоит мавзолей.

А мавзолей из гранитного камня,
Площадь из камня... Ни здесь, ни вдали,
Не наскребешь ни совком, ни руками
Даже полгорсти кремлевской земли.

Но средь столичного темпа и гула,
В улицах, где великаны-дома,
Вместо земли Алтынджан почерпнула
Много чего для души и ума.

И повторяла все с тем же волнением:
— Вы бы видали, родные, как он,
Ленин, живой наш, заботливый Ленин,
Спит меж завещанных миру знамен!

Нет, и не только приподнятость в тоне,
Было отныне заметно для всех —
Голос Алтын стал куда оживленней,
Радостным стал её сдержанный смех.

Стало для женщины даже привычным
То, что, не веря идущей молве,
Каждый, встречаясь с швеёю, обычно
Спрашивал: «Правда, была ты в Москве?»

Часто Москва ей далекая снилась,
Ей, чья тянулась душа к Ильичу,
Мнилось — все трудное было под силу,
Дело любое, как есть, по плечу!

Будни на праздники все походили,
Будто в душе её пела струна!
Словно почувствовав крепкие крылья,
Так вдохновенно трудилась она.

...С чуть посветлевшим на небе рассветом,
Дома Алтын неизменно встает.
Окна раскроет, и свежестью ветра
Сразу в лицо ей приятно пахнет.

Ныне проснулась, и без промедленья
Вымылась и приготовила чай.
Мамы своей повторяет движенья
Четырехлетняя дочка Гюлай.

Зная, что ей только в час на работу,
Рада Алтын в доме дольше побыть.
Пользуясь тем, что все утро свободна,
Стала полы она в комнатах мыть.

Что-то воркуя, румяная дочка,
Бросив с любимой куклой играть,
Тряпки какой-то схвативши кусочек,
Моет полы точно так же, как мать.

Только обнять она дочку хотела,
В щёку румяную чмокнуть, как вдруг
Слышит — за дверью крыльцо закрипело.
Тут же раздался настойчивый стук.

«Кто б это был?» И она осторожно,
С робостью, мокрой рукою своей
Ручку дверную нажала. И кто же
Вдруг на пороге предстал перед ней!?

Члены фабкома. Директорша рядом.
— Нам повезло, что ты дома, как раз!
Дарят цветы: — Поздравляем с наградой,
Ты знаменитою стала у нас!

Не понимая, в чем дело, сначала,
И почему вдруг нагрянули к ней,
Молча Алтын, растерявшись, стояла,
Не приглашая садиться гостей.

— Ты заслужила награду — работой!
Что ж приглашай всех на празднество
в дом!

Вносит Наташа огромных два торта,
И Айымгуль — две бутылки с вином.

Люба — директорша начала снова:
— Судят обычно людей по делам!
Не было в деле твоём, знать, плохого,
Если лишь доброе помнится нам!

— Друг наш, с наградой! — и поцеловала
В щеку швею. — Это праздник для нас!
У Алтынджан, что всё так же молчала,
Брызнули градинки — слёзы из глаз.

Надо ответить директорше, либо
Тост в честь пришедших поднять за столом.
Но лишь одно только слово «спасибо»
Произнесла она тихо, с трудом.

Думалось ей: «Я швея, и не более...
Что же зовут знаменитой меня?
Я никогда ведь на бранном-то поле
Пикой
 врага не сбивала с коня!

— Ну, Алтынджан, дорогая, успехов!
Пусть процветает твой цех и шитьё!
Чоканье рюмок и искренность смеха
Сразу как бы оглушили её.

Чьи-то шаги вдруг раздались, и звонко,
Вовсе не зная ещё о гостях,
Крикнул Солпу: — Заколю жеребенка! —
Свежей газетой махая в дверях.

Все закричали восторженно: — Браво! —
Хлопая мужа Алтын по плечу.

Сел он со всеми. И Люба лукаво
Перед Солпу положила камчу.

Вздвогнул он, словно бы барса увидел.
И наступила на миг тишина.
Люба ему: — Задержала, простите,
Может, сегодня камча вам нужна?

Хохот за этим последовал дружный.
Видимо, сказанная сгоряча,
Любина шутка смущенного мужа
Фразой хлестнула больней, чем камча.

Что же, права эта Люба отчасти...
Руку директорши чмокнув при всех,
Эту камчу, разломив на три части,
Выбросил в печь он под радостный смех.

И обратился к Алтын со смущеньем,
Глянув на яркое пламя в печи,
— Вот и дождалась ты раскрепощенья,
Кончилась власть этой старой камчи!

...Словно песчаные волны в пустыне,
В зале застыл весь народ, не дыша.
Сидя в президиуме, героиня
Очень сегодня была хороша.

В зале Алтын все хлопками встречали,
Сколько её поздравляло людей!
Знатные гости своими речами
Словно бы крылья расправили ей.

Вдруг на трибуну, с пыхтеньем взобралась
С видом победным «толстуха-Салый».
Будто Звезда золотая досталась
Ей, накрывавшей на свадьбах столы.

— Слава наш край, не случайно ведь стала,
Женщина эта у всех на виду,
Счастлива я, что золовка достала
Самую яркую с неба звезду!

Люба пусть вспомнит, как я говорила,
За руку к ней подведя Алтынджан,
Эта келин* наша — гордость и сила,
С детства талант ей природою дан!

Наши надежды она оправдала,
Награждена Золотою звездой!
Я бы ещё говорила, да мало
Времени. Надо готовить мне той!

После добавила голосом звонким,
Что осчастливленный дочкой своей,
Карамурун заколол жеребёнка,
И приглашает на той всех друзей.

И она, в платье с расцветкою яркой
В том, что обычно любила носить,
Вдруг к Алтынджан подбежала и жарко
Стала в объятьях могучих душить.

...Радость в речах, и в улыбках сиянье!
Смотрит Алтын вокруг, поражена.

* келин — молодуха.

Что же, притихшим сейчас в ожиданье,
Скажет в ответ на восторг их она?

Но красноречия слаженным слогом
Не обладает Алтын, как на грех...
С мыслями пусть соберется немного,
Стоя смущенно под взглядами всех.

Люба шепнула ей тихо: «Готова?
Что тебя робость такая взяла?»
Хоть засмущалась Алтын, тут же слово
Ей председательша Люба дала.

Густо швея Алтынджан покраснела,
Даже в глазах потемнело на миг.
Только сказать она что-то хотела,
К небу прилип от волненья язык.

Шепчет ей Люба: «Ну, что ты, не мешкай!
Можешь ты, верь мне, оратором быть!»
И ободренная этой поддержкой,
Стала Алтын наконец говорить:

— Что вам сказать? Бесконечно я рада!
Но своему обучаясь труду,
Разве могла я подумать когда-то,
Что получу Золотую звезду!?

Мне поначалу давалось все туго,
Но я старалась работой своей
Завоевать уваженье супруга,
Вырастить, как подобает, детей.

Смех и хлопки в переполненном зале
Длились не менее пары минут.
Возгласы с места: — Вы мало сказали!
— А почему умолчали про труд?!

— Труд... С ним всю жизнь я не знала
лишений,
С юности им я дышу и живу.
Труд уберег меня от унижений,
Труд мой помог мне увидеть Москву!

Коль, не трудясь, человеку случится
Стать на вершину,— не виден он, нет!
Если же скромно и честно трудиться,
Труд тебя выведет в люди, на свет.

Даже не верится в это событие
В то, что меня осчастливило вдруг,
Век золотой я не выпущу нити,
Верьте, товарищи, из своих рук.

И в заключение сказала с волнением:
— Вам говорю, как родимой семье —
В руки ту нить золотую сам Ленин
Дал мне с доверьем киргизской швее!

Зал огласился овацией бурной.
Больно глазам от слепящих огней!
Села. И снова ей стала трибуна
В тягость парадностью пышной своей.

Хоть и программой большого концерта
Люба решила порадовать всех,
Чуть погода, Алтынджан незаметно
В свой поспешила двенадцатый цех.

XX

Рано взошла так луна, или это
Светят огни неустанной земли?
Или, искрясь переливчатым светом,
В озере плавают звезды вдали?

Третий этаж. Горных ветров дыханье
В окна влетает. Свежо, благодать!
И высотой это белое зданье
Тем белоглавым вершинам под стать.

Жизнью когда-то отсталого цеха
Правит Алтын по-хозяйски, умно.
Хоть и швеи здесь добились успеха,
Надо быть зоркою ей все равно.

Сидя, питомицы заняты делом.
Смотрит Алтын... И подумалось ей:
«Все, что с трибуны сказать не сумела,
Сделать сумею работой своей!»

Споро идет у подружек работа,
Хоть за окном и ночная пора.
Густо увесили край небосвода
Звезды, как яблоки, из серебра.

На подоконниках лунные блики.
Всюду прилежно машины стучат.
Мнится — с теплом чуть заметной улыбки,
Смотрит луна на работу девчат.

В мягком её, немигающем свете,
Льющемся, как золоченая медь,

Луноподобные девушки эти
Станут ли в цехе без дела сидеть?

Ни отстающих девчат, ни ленивых
Здесь вы б сегодня сыскать не смогли.
Словно под стуки машин говорливых
Крылья в работе они обрели.

И Алтынджан не спеша, меж рядами,
К каждой подходит, уж так повелось,
Чтоб посмотреть, все ль в порядке со швами,
Правильно ль вшить рукава удалось?

Ходит Алтын... А вот там — в отдаленье,
Рядом с окном, где видны корпуса,
Ленин глядит на неё с одобреньем,
В доброй улыбке прищулив глаза.

Нет, на Алтын он глядит не случайно!
Верит она, что отзывчив и строг,
Ленин вниманьем своим отмечает
Всех, кто с душой выполняет свой долг.

— Внушка моя, — говорит он, — скромнее
Будь чем была, чтоб избежать хулы.
Скромный становится в жизни сильнее,
Выслушав чьи-то слова похвалы.

Ленин.. Он — дед молодежи всех наций,
Если и впрямь (что дороже всего!)
Внучкой ты вправе его называться,
Верной должна быть заветам его.

С ним золотою ты связана нитью,
Значит, в ответе за все и за всех!
Слышишь, Алтын, как его представитель,
Ты из Москвы возвратилась в свой цех.

Ленин в Октябрь был с киргизами рядом,
Помня про каждый бедняцкий аил,
Этот почет и большую награду
Ленин за труд твой тебе подарил!

И хоть бывало и трудно, и туго,—
Вдруг на груди Золотая звезда!
«Может, она не совсем по заслугам!»—
Думает так Алтынджан иногда.

«Как же носить я теперь её буду?
Разве награда заслужена мной?
Словно оплачен был сотней верблюдов
Труд, что проделан овцою одной!

Ленин... Он спит в краснозвездной столице,
Но понимает, как видно, меня!
Я ведь пред ним и пред всеми должницей
Буду теперь до последнего дня».

... Вдруг этой лунной, задумчивой ночью
В цех тот, что к стуку машинок привык,
Чтоб Алтынджан повидать бы воочью,
Тихо вошел седовласый старик.

Да, Алтынджан его сразу узнала!
В давние годы, в холодную ночь,
Это её он укрыл одеялом,
Бережно, так как любимую дочь.

Старый охранник... Он вник по-отцовски
Как одиноко ей было одной.
В ночь, где легла она прямо на доски,
В той, приютившей её, проходной.

Вышел на пенсию сторож. А ныне,
Слыша про давней знакомой успех,
Он отыскал Алтынджан-героиню,
Тихо войдя незамеченным в цех.

Встретила деда киргизка с поклоном,
Словно почетнейшим гостем он был.
За руки взял он её, и безмолвно
Взглядом отеческим благословил.

— Мерзнуть теперь уж тебе не придется,
Пусть хоть дожди, хоть с морозом зима!
Деду в ответ мастерица смеется:
— Греть буду всех, кто замерзнет, сама!

...Стужа ни фабрики новой не студит,
И ни сердец. И нигде, никогда
Мерзнуть не даст нашим доблестным людям
Жар вдохновенья и сила труда.

1968—1969

Кок-Джар — Фрунзе

ДЕВУШКА АРЗЫ

ЛЕГЕНДА

I

Я только месяц был в Крыму, когда
Там отдыхать нам довелось впервые.
Но в памяти сберег я навсегда
Преданий древних образы живые.

Где вымысел, где правда — кто поймет?
А может, то и это — в равных долях...
Представлю все, как было, и сожмет
Печаль мне сердце нестерпимой болью.

И на бумагу просится сюжет,
И не сдержать душевного волненья.
Так воскресим события давних лет!
А то, что не доскажет вам поэт,
Дополните своим воображеньем.

II

...Притихли волны, словно затаясь,
Окутан берег негой и покоем.
Красавица с кувшином у ручья
Любуется прозрачною водою.

Как кипарис молоденький, стройна,
Осанкою с лебедушкой схожа,
Невинною игрой увлечена,

Перебирает камешки она,
И взор ее ничем не потревожен.

На кончиках ресниц, как две слезы,
Две капельки росы лучатся светом.
Так что же привело на берег этот
Ночной порой красавицу Арзы?

Какую тайну хочет разгадать
Она на дне, где ни песка, ни ила?
Ведь чтоб воды в ее кувшин набрать,
И двух минут, наверно бы, хватило.

Уж не джигита ль в час полночный ждет
Арзы, томима первою любовью?
Так где же он?
Чего ж он не идет?
И девушка сердито хмурит брови,

И пристально глядит в морскую даль,
И, затаив дыханье, ждет ответа.
Минула полночь, но джигита нету,
И входит в сердце тихая печаль.

И смутное предчувствие беды
Ей душу на мгновенье обжигает.
Арзы спешит.
Набрав в кувшин воды,
На гладь морскую взгляд она бросает.

Но все спокойно: море, небеса...
Откуда знать ей, чистой и наивной,
О том, что чьи-то жадные глаза
Всю ночь следят за нею неотрывно?

О, если б ночь была светла, как день,
От девушки тогда бы не укрылось,
Что чья-то злая, сгробленная тень
В кустарнике прибрежном затаилась.

То был Али-Баба, известный всем
Отъявленный разбойник и мерзавец.
Снискал себе грабитель славу тем,
Что похищал и продавал красавиц.

В пустынной бухте тайно укрывал
Он ходкую, вместительную лодку
И, прячась, терпеливо поджидал
Присмотренную загодя молодку.

Схватил ее Али-Баба, повез
За море, чтобы там продать в рабыни.
В краях тех не измерить и поныне
Пролитых по вине злодея слез.

Чернобород, горбат и хромоног,
Всегда чалмою желтою украшен,
Неумолимый, как зловещий рок,
Он был свиреп, жестокосерден, страшен.

И вот сейчас, коварен и хитер,
Укрывшись под покровом ночи черной,
Красавицу Арзы бесчестный вор
На берегу выслеживал упорно.

Молил злодей удачи у судьбы,
К всевышнему о помощи взывал он.
Еще досель в руках Али-Бабы
Такой добычи ценной не бывало.

Он представлял, как будут нарасхват
Купцы в Стамбуле, не жалея денег,
Рвать девушку...
Теперь-то он наденет
Расшитый ярким золотом халат.

Вот на плечо Арзы кувшин взяла
И что-то морю молвила с укором,
И чуть заметно станом повела,
И не спеша пошла по косоугору.

Сгустилась на изломе ночи темь,
И только робкий месяц мог поведать
Красавице о том, что, словно тень,
Али-Баба за ней крадется следом.

III

Зимой и летом,
В зной, в мороз, в пургу
Высокий кипарис зелено-светел.
И скалам, что стоят на берегу
Не страшен хлесткий ураганный ветер.

И как нужда ни давит бедняка,
Вовек не станет жизнь ему постыла.
И труд не в труд ему, пока в руках
Он чувствует уверенность и силу.

Старик Абий не помнит в жизни дня,
Хоть на покой давненько годы клонят,
Когда бы ни держал он кетменя
В натруженных мозолистых ладонях.

Не был старик, что труд уже невмочь,
Работал так — аж пот катился градом.
Но и гроша не накопил.
Лишь дочь
Была его богатством и отрадой.

В халупе дряхлой с нею он живет,
И для нее, застенчивой и чистой,
Не покладая рук за годом год,
Растил он сад на склоне каменистом.

Отцовский дом...
Пусть тесен он и хил,
Когда в нем мир да доброе согласие,
Для дочери всегда желан и мил —
Ведь не в богатстве ж, в самом деле, счастье.

Мечтал Абий, чтоб только замуж дочь,
Покуда жив он, вышла непременно.
А там, коль час настанет, и непрочь
Был старый распрощаться с миром бренным.

Ни в чем дитя не принуждал старик,
Весь груз забот взвалив себе на плечи,
И даже в самом малом не привык
Абий желаньям дочери перечить.

Как мог, берег ее он от невзгод,
Растил свободной, честной и открытой.
«Пусть, — думал он, — когда пора придет,
Себе по сердцу девушка найдет
Большой любви достойного джигита!»

А та, очарования полна,
От женихов не ведала отбоя.
Не сосчитать всех тех, кого она
Лишила, недоступная, покоя.

И хоть с любым из них она была
Душевна и приветлива, как с братом,
Лишь юному и пылкому Ахату
Она любовь девичью отдала.

Он пас овец и в горы уходил
С отарою на долгие недели.
И за сто верст на зорьке слышен был
Веселый свист пастушеской свирели.

И где бы путь джигита не пролег,
Какой бы дальней не была дорога,
Он ухитрялся выкроить денек,
Чтобы побыть с любимой хоть немного.

Они встречались ночью.
И ручей
Их охранял от взглядов затаенных,
По-дружески шепча ему и ей
Все те слова, что так пужны влюбленным.

И пряталась луна, что в этот час
Проглядывала из-за туч некстати,
Спеша укрыть от посторонних глаз
Их жаркие и долгие объятья.

А коль к ручью запаздывал Ахат,
Арзы, не находя себе покоя,
На море устремляла грустный взгляд,
Прислушиваясь к шелесту прибоя,

И не спешила с берега уйти,
Пока не стихнет боль тоски сердечной.
Казалось всем в ауле, что навечно
Судьба связала в узел их пути.

IV

Арзы сегодня весела с утра,
Ушла на берег, радостью объята...
Вот и пришла желанная пора:
К отцу явились сваты от Ахата.

Абий приветлив с ними, хоть не раз
Отказом наносил другим обиду,
Но все-таки, как водится, для виду
Характер выставляет напоказ.

— Я,— говорит он,— рад бы вам помочь.
Ахат — джигит! Тут все, конечно, ясно.
Но все же надо поспрашивать и дочь —
Кто знает, будет девушка ль согласна?

— Ну, коли в этом виден вам затор,—
Смеются сваты,— то решайте смело.
Известно всем окрест, что с давних пор
Меж молодыми — твердый уговор,
Так что теперь за вами только дело.

— Что ж, если так, назначим свадьбе срок,—
Абий беседу долгую итожит.—
Коль любит парня девушка, пусть бог
Им тропку к счастью проложить поможет!

Жаль лишь айлы наши далеки:
Уедет дочка — поминай как звали.
А я и занемочь могу с тоски —
Ведь старики здоровьем не крепки,
Но время ль радость омрачать печалью.

Довольные Абием и собой,
Ушли под вечер сваты из айла.
И тут же весть округу всколыхнула
О том, что вскоре будет славный той.

V

И вот уже дымятся шашлыки,
И пышет плов дразнящим ароматом.
Спешат и молодежь, и старики —
Сегодня свадьба у Арзы с Ахатом.

В округе здешней каждый знает их —
Так кто же станет ждать тут приглашенья?
Грех людям не уважить молодых,
Коли они достойны уваженья.

Гуляет свадьба — песни, шутки, смех
Сплетаются в веселом хороводе.
И как всегда, Арзы и здесь для всех
Легко слова душевные находит.

И гости тем же отвечают ей.
И хоть полно тут девушек прелестных,
Нет среди них красивей и милей,
Добрее и сердечней, чем невеста.

А ночь летит.
А ночь к концу идет.
Вот-вот уже заря должна заняться.
И незаметно время настаёт
В дом к жениху невесте собираться.

— Ахат, родной, прости печаль мою,—
Любимого Арзы ласкает взглядом,—
Спуститься вниз к заветному ручью
В последний раз мне этой ночью надо.

Воды отцу я наберу в кувшин,
Чтоб ею он омыл лицо и руки.
Старик теперь останется один —
Кто знает, как он стерпит боль разлуки?

Подумаю о нем — и тотчас мне
Удушливой тоскою сдавит сердце..
Должна я, друг, побыть наедине
С родной землей, где пролетело детство.

Ахат прижал любимую к груди:
— Тебе ни в чем перечить не посмею.
Коль хочется побыть одной, иди!
Но только возвращайся поскорее.

— Я — мигом!..
И Арзы кувшин взяла,
И легкая, как ветер быстrokрылый,
Тропинкою, что столько раз ходила,
По кóсoгору вниз она пошла.

Вот и ручей..
Еще ее следы

Не высушило солнышко на склоне.
Арзы присела.
И струя воды
Ударила ей в жаркие ладони.

Спокойно море.
Ночь, как день, светла.
Сама природа радостью согрета.
И ярким звездам в небе нет числа,
И тихий берег залит лунным светом.

Ни ветерка, ни шороха вокруг,
Лишь плеск прибоя слышен еле-еле.
Но вот вдали почудился ей вдруг
Призывный свист пастушеской свирели.

Все ближе он, все громче, все ясней.
И девушка, тревогою объята,
Торопится воды набрать скорей,
Чтоб понапрасну не томить Ахата,

И смутные предчувствия гоня,
К любимому спешит тропинкой прежней.
Но вот уже какая-то возня
Ей слышится в кустарнике прибрежном.

А может, это кажется лишь ей?..
А может, это плод воображенья?..
Три тени в масках подступили к ней..
И нет уже надежды на спасенье.

И никого вокруг, кто б ей помог.
И кляп во рту тяжел, как черный камень.
И вот уже в удушливый мешок
Ее втокнули потными руками.

И к берегу красавицу снесли,
И в лодку положили.
И проворно
Три пары рук на весла налегли,
И замаячил в небе парус черный.

VI

Напрасно будет ждать свою любовь
Пастух Ахат, встревоженный разлукой.
Напрасно будет парень вновь и вновь
Прислушиваться к шорохам и звукам.

И лишь когда в предчувствии беды
К ручью сбежит он по крутому склону,
Пустой кувшин, лежащий у воды,
Увидит он и захлебнется стоном.

И слезы сами потекут из глаз,
И горе в сердце отзовется болью,
И проклянет он тот жестокий час,
Когда Арзы уйти сюда позволил.

Он все поймет, что здесь произошло
И все себе представит он воочью.
И крикнет он: «За что такое зло
Судьба мне ниспослала этой ночью?»

И на утес взойдет он.
И в тоске,
Не в силах погасить ни боль, ни ярость,
Увидит на мгновение вдалеке
Мелькнувший над волнами черный парус.

И будет море вместе с ним скорбеть,
И обдавать его свинцовой пылью.
И станет у аллаха он просить,
Чтобы всевышний дал джигиту крылья.

Он ввысь взлетит наперекор судьбе,
И не уйти злодею от расплаты...
Но будет глух аллах к его мольбе,
Не снизойдет на горький зов Ахата.

И все в душе его перегорит,
И светлый разум помутится с горя.
И за любимой бросится джигит
С утеса в разъярившееся море.

VII

Над крышами Стамбула неба синь
Исходит в полдень нестерпимым жаром...
Из разных стран везут купцы рабынь
На шумные восточные базары.

Сюда, где не пробиться от людей,
До глаз обмотан желтою чалмою,
На торжище позорное и злое
Свою добычу приволок злодей.

Разбито горем сердце у Арзы,
Она глядит с тоскою молчаливой,
Как вокруг нее плешивые мирзы
С Али-Бабой заводят торг сварливый.

Вовсю разбойник хвалит свой товар,
Скликает покупателей почтенных.

И вот уже почти что весь базар
На крик его собрался постепенно.

Толпа, красой Арзы восхищена,
Внимательно следит за ходом торга.
— Ты погляди — она сама луна!..
— Как величава!..
— Как она стройна!..
Слышны повсюду возгласы восторга.

Вдруг властный окрик всколыхнул народ.
И перед взором пленницы печальной
Предстал, толпой пропущенный вперед,
Какой-то важный и большой начальник.

Едва скользнув зрачками липких глаз
По трепетному девичьему стану,
Он приказал разбойнику тотчас
Вести рабыню во дворец султана.

Али-Баба от радости сиял:
«Аллах его услышал — не иначе!»
Признаться, он и сам не ожидал
Такой ошеломляющей удачи.

И восхваляя бога и судьбу,
Сопровождаем криками и гулом,
Повел Арзы разбойник сквозь толпу
К великому властителю Стамбула.

А через час, сполна вознагражден
За красоту своей рабыни юной,
Из города исчез бесследно он,
Набив султанским золотом курджуны.

VIII

Уже сгущалась над Стамбулом мгла,
Когда султан, горя от вожделенья,
Вошел в гарем, где по его веленью
Рабыня повелителя ждала.

Он долго взгляда оторвать не мог
От глаз, лучивших и печаль, и негу,
Как будто видел солнечный цветок,
Пробившийся неожиданно из-под снега.

Велел он слугам свадебный наряд
Для юной пэри приготовить срочно
И привести муллу, чтоб нынче ночью
Был совершен венчания обряд.

Арзы взмолилась:— Повелитель мой!
Одно лишь только у меня желанье:
Пред тем, как стать мне вашею женой,
Хочу сходить я к морю с покаяньем!

Я дочь его.
Я перед ним в долгу.
Мне, как нектар, его вода и воздух.
Я только постою на берегу
И возвращусь, покуда светят звезды!

— Ну что ж, иди,— султан ей отвечал,
Решившись проявить великодушие.
Но евнухам строжайше приказал
Держать настороже глаза и уши.

Считал он, умудренный грузом лет,
Что показная доброта ни разу
Пока еще не шла ему во вред —
Что ж обижать красавицу отказом.

IX

Штормило море.
Крепкая волна
О скальный берег била неустанно,
Когда Арзы, печальных дум полна,
Пришла на берег из дворца султана.

Она сквозь слезы вглядывалась в ночь,
Надеясь на несбыточное чудо,
Что кто-то вдруг решится ей помочь
На крыльях ветра улететь отсюда.

«Неужто, — с болью думала она, —
Отныне и до окончания века
Должна я быть теперь разлучена
Судьбою злой с любимым человеком?

Неужто мне уже не видеть вновь
Родной земли рассветы и закаты,
Где я была свободной,
Где с Ахатом
Я обрела и счастье, и любовь?

Неужто никогда старик-отец
Дитя свое не приласкает снова?
Страшней темницы сказочный дворец,
Когда душа в невидимых оковах!

Как жить без воли в дальней стороне?
Как от тоски укрыться?
Как забыться?
Да будет проклят тот злодей, что мне
Навек обрезал крылья, словно птице!»

Арзы к обрыву подошла.
Внизу
Сшибались волны под отвесной кручей.
А в темном небе громоздились тучи,
Грозя обрушить на море грозу.

Измученная горем до краев,
Арзы спокойной издали казалась.
И кто б подумал, глядя на нее,
Что с жизнью в этот час она прощалась?

Откуда только сила в ней взялась,
Откуда взялись хитрость и терпенье,
Чтобы у стражи, не смыкавшей глаз,
Не вызвать даже тени подозренья?

Гроза огнем гремела в вышине.
И виделось рабыне в зыбком свете,
Что бьется белый лебедь на волне,
С трудом преодолая крепкий ветер.

Взмахнуть не в силах сломанным крылом,
Со штормом он боролся одиноко,
Взлетал и тут же падал тяжело
В пучину волн угрюмых и жестоких.

И чудилось Арзы, что ей слышна
Его мольба.

И не колеблясь боле,
С обрыва в море бросилась она,
Смерть предпочтя чужбине и неволе.

Плеснулся над волнами тихий вскрик
И эхом укатился в мирозданье.
И море ей объятня на миг
Раскрыло и застыло в ожиданье,

И заштормило яростней вдвойне,
И задышало ледяною стынью,
Укрыв навеки в темной глубине
Несчастную, но гордую рабыню.

Х.

В ту злую ночь султану не спалось.
Гласит легенда, что в порыве гнева,
Меча грозу направо и налево,
Из бороды он вырвал клоч волос.

А евнухов, что не смогли сберечь
Цветок гарема, приказал владыка
На казнь и поругание обречь
И головы их выставить на пиках.

Еще о том дошло до наших дней
Предание из той поры далекой,
Что в ту же ночь Али-Баба — злодей
За смерть Арзы наказан был жестоко.

Едва отплыл разбойник, как волна
О камни лодку разнесла. А вскоре

Курджун, набитый золотом сполна,
На хмурый берег выбросило море.

XI

Брожу тоской и горечью объят
Под солнцем Крыма, знойным и палящим.
Давным-давно зачах зеленый сад
И занесло песком ручей звенящий.

И не найдешь теперь уже следа
От дома, где росла Арзы когда-то.
Но без конца влечет людей сюда
Легенда о ее любви к Ахату.

Два юных сердца, полные потерь,
Разбитые жестокостью злодея —
Их разлучило море.
Но теперь
Их разлучить никто уже не смеет.

Они самой судьбой обречены.
И в час, когда, уставши, стихнет море,
Две белые высокие волны,
Как лебеди, гуляют на просторе.

Но дунет ветер с дальних гор, и вновь
Их след угаснет в дымной круговерти...
Все в этом мире смертно.
Лишь любовь,
Одна любовь лишь не подвластна смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

Ленинградский дневник. Перевел <i>М. Ватагин</i>	
На пути в Ленинград	5
В Ленинграде. Завод	7
В Смольном	8
В театре	10
В заключение	11
Письмо о Родине моей	13
Отчизна Родная — Союз ССР. Перевел <i>М. Ронкин</i>	15
Родина. Перевел <i>М. Ронкин</i>	17
С Россией. Перевел <i>М. Ронкин</i>	18
Горы. Перевел <i>М. Ронкин</i>	19
Золотая земля. Перевел <i>М. Ронкин</i>	20
Джайлоо. Перевел <i>М. Ватагин</i>	21
Большой Нарын. Перевел <i>М. Ватагин</i>	23
В Кулунду. Перевел <i>М. Ронкин</i>	27
Кайрак-Кум. Перевел <i>М. Ронкин</i>	30
Первая школа. Перевел <i>М. Ватагин</i>	31
Золотая нить. Поэма. Перевела <i>И. Волобуева</i>	33
Девушка Арзы. Легенда. Перевел <i>М. Ронкин</i>	171

Кубанычбек Маликов

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

Стихи и поэмы

Редактор В. Я. Вакуленко
Художественный редактор И. А. Ефимов
Технический редактор Г. Шаршекеева
Корректор Л. М. Шейко

Сдано в набор 20/XII-1972 г. Подписано к печати 20/II-1973 г.
Бумага типографская № 3, формат 70×90¹/₃₂, 6 физич. печ. л.,
7,02 условн. печ. л., 6,92 учет.-изд. л. Тираж 3000. Заказ № 3521.
Цена 74 к.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102,
Киргизполиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров
Киргизской ССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.